

**Филарет Амфитеатов, Митрополит
Киевский, как проповедник
священник Георгий Орлов**

Введение

Имя митрополита Филарета Амфитеатрова, которому посвящена настоящая статья, довольно известно в истории русской церкви. О нем, как историческом деятеле на поприще епархиального управления, много можно читать и в исторических сочинениях, обзорающих судьбы отечественной церкви, и в нескольких монографиях, специально посвященных имени Киевского митрополита, и даже в беллетристическом отделе нашей литературы¹. Но мы не поставляем своей задачей определение значения деятельности Филарета в истории русской церкви. Мы хотим говорить о Филарете настолько, насколько он может входить в историю проповедничества, и все свое внимание сосредоточиваем на его проповеднической деятельности. Из всех сторон деятельности Киевского митрополита, его проповедничество менее всего было изучаемо и разбираемо. Обстоятельство это, конечно, имело свои законные основания. Проповеди Филарета не отличаются ни особенною глубиной мысли, ни самобытною оригинальностью взглядов, ни тонкостью анализа рассматриваемых богословских вопросов. Как проповедник, он, конечно, ее может быть поставлен наравне с современными ему и близкими к нему пастырями русской церкви, огласившими церковную кафедру словами, редкими по своему красноречию и глубокомыслию, каков Филарет Московский, Иннокентий Херсонский, Димитрий Одесский и др. Не смотря на все это, проповедному слову Киевского митрополита все же нужно отдать, по всей справедливости, должное уважение. По замечанию надгробного слова, сказанного при погребении Филарета ректором Киевской семинарии, архимандритом Петром ², почивший святитель «представлял собою одного из тех церковных витий, поучения которых были полны христианского назидания»³. Будучи усердным в исполнении всех вообще своих архипастырских обязанностей, Филарет не мог обойти и, действительно, не обходил и церковного учительства; очевидным доказательством этого служат оставшиеся памятники его проповеднических занятий. И, судя по ним, мы в праве ставить Филарета гораздо выше заурядных проповедников текущего столетия и считаем вполне возможным и законным отнести его в разряд тех наших церковных ораторов, которые оказали русской проповеди услугу со стороны формы, мысли и выражения, которые приобрели по чему-либо проповедническую известность.

Принимая на себя задачу уяснить характер и направление проповеди

Филарета Амфитеатрова, мы считаем необходимым предпослать нашему исследованию очерк личности его, какую она является в истории и литературе. Несомненно, что для верного понимания известного произведения мы должны хорошо знать его творца. Раз этого знания нет, мы рискуем впасть в ошибки. Поэтому, чтобы понять надлежащим образом произведения Филарета, надо всеми силами попытаться уяснить себе его личность. Конечно, нам могут возразить на это: зачем поставлять проповедь в связь с личностью проповедника, когда известно, что христианская проповедь должна быть объективной. Правда, в глубочайшем существе своем проповедь объективна, «но это вовсе не исключает в ней начала личности, простирающегося на индивидуальность проповедника даже и в отношении к самому объективному элементу проповеди. Проповеди морального содержания и характера, составляющие, бесспорно, преобладающий тип в современном церковно-ораторском творчестве, не просто повторяют волю Божию или объективное слово Божие, выраженное в свящ. Писании, но на основании его дают в известной мере субъективные суждения, советы и т. п. в сфере конкретных отношений, состояний и задач практической жизни. На объективном фоне истины художник-оратор начертывает живой образ христианской добродетели, рисует положительный идеал христианский, олицетворяет христианский характер и т. п. Даже и в догматических проповедях истина должна пройти чрез личность, чрез душу проповедника, а не просто чрез его уста или чрез его перо, как депеша»⁴. Вообще, в последнее время историки литературы приписывают огромное значение личности, индивидуальности писателя в ряду других сил, обуславливающих его место в истории. Но если всякое литературное произведение стоит в тесной связи с личностью своего творца и неизбежно носит на себе печать его индивидуального характера, то в особенности это нужно сказать о произведениях проповеднической литературы. В проповедь переливается вся душа автора. Проповедническое слово, если оно хочет быть живым и действенным, должно исходить из глубины души, от чистого сердца, должно выражать самую задушевную мысль и искреннее убеждение автора, и таково оно бывает у всех хороших проповедников. Проповедь не есть произведение одной лишь работы ума, – она есть продукт совокупного и равномерного действия всех сил и способностей души автора, влагающего в него, так сказать, все свое существо, всю свою духовную личность. Поэтому-то никакое литературное произведение не стоит в такой тесной связи с личностью своего творца и не отражает в такой степени всех оттенков и способностей

его духовного склада, как проповедь. Поэтому у каждого проповедника в его проповедях есть особые, ему только свойственные, типические черты, объяснимые лишь из его личного характера. В виду всего этого каждому исследователю проповеднической литературы надлежит рассматривать проповедь прежде всего в связи с личностью автора, – здесь искать ключ к уяснению свойств и особенностей проповеди; лишь тогда он должным образом поймет её, проникнет в ее дух и в самое внутреннее ее существо, и не смешает её с проповедями других проповедников. То, что приложимо к исследователю проповеднической литературы вообще, к исследователю проповедей Филарета Амфитеатрова приложимо в особенности. Характер и содержание проповеди Филарета почти исключительно определяется его личным душевным настроением. Поэтому для уяснения его проповедей преимущественное и главное внимание должно обратить на индивидуальность самого автора. Но что же такое индивидуальность? «Индивидуальность, это – совокупность таких достоинств и недостатков, которые делают индивидуума единственным в своем роде; индивидуальность, вносимая каким-нибудь человеком в историю литературы или искусства, есть то, что не существовало до него, не существовало бы без него, но будет существовать после него»⁵. Так определяет индивидуальность Брюнетьер. Мы решаемся несколько расширить это определение. Несомненно, что известные качества индивидуума часто являются следствием посторонних влияний, а вовсе ему не прирожденные; но одни и те же влияния на разных индивидуумов действуют различно и в качественном и количественном смысле. Поэтому под индивидуальностью известного лица мы подразумеваем не одни прирожденные ему качества, но и те наносные, которые его природой переработаны на свой оригинальный лад. Согласно с таким пониманием индивидуальности мы и представим очерк жизни Филарета Амфитеатрова. Предпринятый с целью уяснения проповедничества Филарета, он не будет полною биографией проповедника, а только характеристикой его умственно-религиозного и нравственного настроения, как оно образовалось в его духовной натуре под влиянием элементов его времени и окружающей среды.

Таким образом, сообразно с существом дела, исследование о Филарете Амфитеатрове, как проповеднике, распадается на два отдела. В первом отделе после краткого очерка жизни Филарета мы представим характеристику его личности. Второй отдел будет посвящен рассмотрению и определению содержания, характера и направления его проповеди.

Отдел 1-й

Краткая биография Филарета Амфитеатрова

Высокопреосвященный Филарет, митрополит Киевский, в светском звании Феодор Амфитеатров, родился в 1779 г. в селе Высоком, Орловской губернии, где отец его, Георгий Никитич, был священником. Первоначальное воспитание получил в доме своих родителей в строгом исполнении правил благочестия под бдительным надзором и руководством своего деда отца Никиты. Учение юного Федора шло довольно успешно. Будучи 10 лет от роду, он поступил прямо во второй класс духовного училища. По окончании курса в Орловской семинарии, он принял монашество⁶ и, как даровитый воспитанник, был оставлен при семинарии учителем, а чрез четыре года назначен ее ректором; в 1804 г. мы видим уже его на должности ректора в Оренбургской семинарии⁷; но здесь он пробыл недолго; в конце 1810 г. Филарета перемещают, совершенно для него неожиданно, в Тобольск опять па должность ректора духовной семинарии, а вместе с тем и настоятеля Знаменского монастыря. Чрез три года пребывания в Сибири, Филарет вызван был в 1814 г. в Петербург на чреду и пред самым окончанием первого курса в С.-Петербургской духовной академии определен в нее инспектором, а при окончании курса и при открытии академической конференции получил звание доктора богословия. При открытии в том же году Московской академии, Филарет определен в нее профессором богословских наук и инспектором, а в 1816 г. ректором. Ревизовавший Московскую академию, ректор С.-Петербургской академии, архимандрит Филарет (Дроздов), в отзыве об инспекторе Московской академии Филарете (Амфитеатрове) представлял комиссии духовных училищ, что «благочестие и строгая жизнь дают важность его наставлениям и силу его власти. Он назидает своим примером и учащих и учащихся»⁸. Такой же отзыв Филарет (Дроздов) дал о нем после ревизии академии, уже как о ректоре, в 1818 году. «Свидетельство, данное о нем в прежнее обозрение, в бытность его инспектором, сугубо оправдывает, будучи ректором. Общий характер академии, как нового заведения, образовался преимущественно назидательным действием его характера»⁹.

В мае 1819 г. Филарет назначен епископом в Калугу, где много потрудился над обращением раскольников и образованием духовенства¹⁰, а в январе 1825 г. переведен в Рязань. Архипастырское служение Филарета в Рязанской епархии продолжалось менее двух лет; отсюда он был перемещен в Казань, на место умершего архиепископа Ионы. Поводом

перемещения именно в эту епархию послужило полученное не задолго пред тем в Петербурге известие, что многие ново-крещенные татары и другие инородцы Казанской губернии начали совращаться в свои прежние заблуждения.

Филарету, как лицу деятельному и усердному, поручено было самим Государем Императором обратить на это печальное обстоятельство серьезное внимание; в таком же духе прислан был ему указ и от Св. Синода. Прибывши в Казань, Филарет учредил особою миссию для обращения в христианство еще некрещенных инородцев, а равно для утверждения в нем колеблющихся. На этом однако не остановилась деятельность Филарета по просвещению инородцев. Главную заботу о распространении между ними христианства он возложил преимущественно на себя и принимал в этом деле самое живое личное участие. Он сам каждый год ездил в инородческие селения, где по целым дням под открытым небом, не взирая на палящие лучи солнца, беседовал с иноверцами о христианской религии и своими любовными наставлениями побуждал их к принятию ее. В награду за усердные труды по просвещению «магометан и язычников», Филарет в 1836 г., в звании члена Синода, был перемещен в Ярославскую епархию, а отсюда, через несколько месяцев, назначен митрополитом Киевским. Эту последнюю кафедру он занимал до самой своей смерти, последовавшей в 1857 году. За шестнадцать лет до нее, стремясь к высшим аскетическим подвигам, Филарет втайне принял схиму с именем Феодосия.

Мы сделали лишь краткие замечания о жизни Филарета, митрополита Киевского, так как полная биография его не входит в нашу задачу. Для нашей цели гораздо важнее – изобразить личность Филарета, указать индивидуальные черты его характера, которые отразились на складе и характере его проповеди, составляющей важнейший предмет нашего труда. К этому вопросу мы и переходим теперь. При этом мы будем восполнять сказанное нами о жизни Филарета в тех чертах, которые в том или другом отношении характеризуют его личность.

Характеристика Филарета Амфитеатрова

«Человека воспитывают разнообразные факторы, которые можно свести к трем группам: к влиянию семьи, школы и условий жизни»¹¹.

Замечательная личность митрополита Филарета сложилась под влиянием особенно благоприятных условий. Первые годы детства, когда нежная душа ребенка вся отдается окружающим её впечатлениям, – потому всегда так глубоко и прочно залегающим на этой мягкой, еще не затронутой почве, – протекли для Филарета, можно сказать, в идеально-прекрасной обстановке. Здесь было все, что нужно для первого пробуждения и правильного раскрытия лучших сил человеческой природы: умный и довольно-образованный для своего времени дед, добрый и идеально-честный отец, нежная и всегда ласковая к сыну мать, и материальный достаток, до павший возможность семье обставить свою жизнь, если не удобствами, то спокойным, тихом довольством, и, наконец, прекрасная природа. Все детство Филарета прошло, как один счастливый, чудный сон, оставивший в его душе на всю жизнь самые светлые воспоминания. И одно мрачное облачко не затуманивало этих воспоминаний. Ничего не видел он здесь, кроме нежной любви, ласки да разумного наставления.

Родитель Филарета, собственными руками возделывавший землю, несший труд по хозяйству и, как заразы, боявшийся праздности, постарался и в сыне воспитать любовь к честному труду и сознание того, что только честный труд оставляет на душе спокойствие и тихую радость, которые составляют самую дорогую награду такого труда. Мать Филарета, благочестивая женщина, неопустительно посещавшая церковное богослужение, часто ходившая, не смотря на свои немощи, к отдаленным от места ее жительства святым местам, передав сыну доброе, чувствительное сердце, воспитала в нем и ту набожность, которая проникла всю его жизнь и не оставила его до могилы. Под таким благотворным влиянием начала с ранней молодости слагаться нравственная личность митрополита Филарета. С самых ранних лет мальчик удаляется, по возможности, всех игр и удовольствий своего возраста, предпочитая им занятие книгой, хождение в храм к богослужению, чтение назидательных житий святых и молитву. Вот заслуживающий полного внимания рассказ о нем его же отца, священника Георгия. «У меня было, говорит последний, пятеро сыновей. Все они были дети добрые и послушные. Ни всех более любил я Феденьку. Любимым его

занятием было читать и петь на клиросе, подавать кадило в алтаре, выносить подсвечники и звонить на колокольне.

Феденька не пропускал ни одной утрени и обедни. Такой был, Бог с ним, усердный к церкви и богомольный. Бывало, соберутся, сойдутся все и сядут, Феденьки, смотришь, нет за столом. Где же, спрошу, Федя? Верно, скажут, на пчельнике. Другие братья скучают сидеть на пчельнике и смотреть за пчелами, а он за всех их отвечает, но не проводит там времени праздно: сядет на скамеечке и читает книгу жития святых или четь-минею. Так любит он эту книгу, что и про обед забудет. А то иногда посижу за столом, подожду его, да и пойду посмотреть, что он делает. Что же, вы думаете, где найду его? На дворе нет, в саду также нет. Взойду на поветь, на соломенную крышу и смотрю оттуда вниз. А он, мой драгоценный, стоит в коноплях на коленях и молится Богу»¹². Этот рассказ, переданный самим отцом высокопреосвященного Филарета, ясно свидетельствует о том, что уже в раннее время замечались в Филарете проблески того высокого аскетического настроения, которое «однажды возжегшись в душе его, во все время его жизни не угасало никогда, а по временам разгоралось таким ярким, светоносным пламенем, который не мог не быть приметен и для других, при всем его смирении и сокровенности святоподвижнической жизни»¹³. С таким духовным наследием, вынесенным из родительского дома, поступает Филарет прежде всего в духовное училище, а затем преемственно в семинарию¹⁴. Что же дала Филарету наша духовная школа? Она, прежде всего, не убила в нем ни одного из его богатых природных дарований, не охладила его благородных, идеальных, юношеских стремлений, не помешала свободному развитию тех здоровых и добрых начал, какие заложены были в нем семьей. Уже за одно это Филарет мог бы остаться благодарным ей, потому что, к сожалению, далеко не всякая школа даже нашего времени может похвалиться и этой отрицательной добродетелью. Но из духовной школы Филарет вынес и то, чрезвычайно важное, положительное приобретение, которое он всегда так высоко ценил потом, уже выработавши свой взгляд на учебно-воспитательное дело школы. При всей своей скудости в воспитательных и учебных средствах, совершенно не ведая ни о каких тонкостях дидактики, представляя своих учеников во все внеклассное время самим себе, без хороших учебных руководств и пособий, наша духовная школа описываемого времени, тем не менее, достигала одной заветной для всякой школы цели: ее питомцы в стенах своего заведения научались главному – уважать науку, любить знание, стремиться к самообразованию, но вместе с тем и благоговеть пред вопросами религии, и с таким

направлением шли в высшие учебные заведения и в жизнь.

В таких условиях, среди самых разнообразных влияний вырос и развился Филарет – прямой, честный, самостоятельный, с глубокими богословскими знаниями, но без всякой схоластической темноты и тяжеловесности, в то же время с крепкой, настойчивой волею и, прежде всего, с сильно развитым «рвением к духовным подвигам». Много можно было ожидать от человека, так счастливо развившегося и получившего такое доброе направление. Но за порогом школы Филарета ждала жизнь, а успех в жизни, к сожалению, далеко не всегда отвечает нравственной ценности и талантам человека: со своею упорною косностью, со своими постоянными низменными расчетами, она не особенно жалуется людей именно слишком идеальных и прямых. Наперед можно было сказать, что Филарету, при его прямоте и искренности, не пройти жизненного поля спокойно, ровно, без борьбы и страданий.

Чрез год по окончании семинарии, т. е. будучи всего только 20-ти лет, Филарет принял монашество. Мысль об иноческих подвигах постоянно преследовала Филарета, она была присуща ему, когда было лишь четырнадцать лет. Обучаясь еще в риторике, Филарет почувствовал в себе столь пламенное стремление к монашеской жизни, что собрался было скрыться или в Площанскую или в Белобережскую пустынь, которые известны были ему только по слуху, но которые действительно, как тогда, так и в нынешнее время отличаются особенною строгостью иноческого устава и жизни. В первый раз решился он уйти тайно из родительского дома, но был возвращен уже с пути старшим братом, Василием; в другой раз собрался с одним из жителей гор. Орла. Дело было таким образом: «Однажды как-то пришел Феодор¹⁵ от вечерни к себе на квартиру и говорит своим товарищам: «что мы, братцы, живем на свете в такой суеде житейской. То ли дело удалиться от мира и водвориться в пустыни! Уйду в какую-нибудь далекую-далекую пустынь! Вот, говорят, есть у нас какая-то Белобережская или Площанская пустынь; поселюсь там и посвящу себя на молитву Господу»¹⁶. Говорил он это так решительно и с таким чувством, что не трудно было догадаться, как бы в самом деле не вздумал он уйти в пустынь. Так, действительно, и случилось, и только обещание родителей отпустить его в монастырь по окончании семинарии заставило юношу Феодора снова возвратиться в Орел и докончить образование. Теперь, по окончании курса, Филарет твердо решил привести в исполнение свое давнее желание. Смерть матери еще сильнее сосредоточила на мысли о небесном его духе, и без того мало привязанный к земным удовольствиям и интересам, а семена, посеянные воспитанием, назидательными беседами

и чтением аскетических сочинений, под влиянием свежего, грустного впечатления, тотчас же пустили отпрыски в жизни и в практической деятельности Филарета. Молодой монах сразу стал па высоту, трудно достигаемую обыкновенными людьми. Это был строгий и искренний аскет, который не искал и не желал личного счастья в каком бы то ни было виде, который все время жил исключительно для Бога и для ближних. Отрекшись от жизни, еще не изведав ее, от сурового труда школьного самообразования, не оставлявшего места никаким, даже невинным, детским радостям, он прямо перешел к монашеским обетам и к трудам па поприще науки и воспитания духовного юношества. Эти труды сразу очаровали его степенью нравственного своего достоинства и сразу наполнили все его существование, и поглотили всю его энергию. Утвердившись незыблемо на камени веры Христовой, он стоял как недостижимая и несокрушимая скала в волнующемся вокруг пего житейском море. Жизнь его частная, точно также как и его общественная деятельность, была во всей полноте открыта для всех, все ее видели и знали, и никому никогда не приходило па мысль хотя бы на минуту усомниться в чистоте и святости этой жизни. Все видели и знали, что у него нет других желаний и стремлений, как только духовное благо людей, никаких других занятий и времяпровождения, как только пополнение своих пастырских обязанностей. Все время его – это было известно каждому – делилось между молитвой частной и общественной – богослужением и трудами пастырского служения, поистине неустанными и неусыпными.

При таком положении дела, казалось бы, трудно было отнять у Филарета репутацию полезного деятеля. До что в мире устоит пред силою человеческой злобы, зависти, коварства и ненависти? а они то с страшною силой и вооружились против Филарета. По прежнему всегда прямой и откровенный, не считавший необходимым, да и не способный по натуре поступаться своими убеждениями в угоду личностям, из боязни задеть и оскорбить чье-нибудь самолюбие, при этом слишком впечатлительный, потому нередко горячий, Филарет еще в Севске навлек па себя нерасположение местного епископа Досифея. Скоро это нерасположение, под влиянием многочисленных нововведений, совершавшихся по инициативе Филарета в семинарии и приходившихся совсем не по сердцу архиерею, перешло в ненависть, во вражду, по необходимости тайную, по потому особенно страшную, действовавшую средствами самыми гнусными, подпольными.

По стараниям Досифея, Филарет был переведен в Уфу. Однако с

переходом Филарета в другую епархию недовольство па пего Севского епископа не прекратилось, но перешло в прямую месть. Биограф Филарета говорить, что «Досифей писал к Уфимскому епископу Августину, как хорошо ему знакомому, всячески очернив Филарета и прося Августина, чтобы он держал его, как говорится, в ежовых руках и повытер его хорошенько»¹⁷.

«Августин¹⁸, по словам другого биографа, человек ограниченный, великий законник с канцелярской закваской и строгий формалист, обрушился на Филарета с страшною силой»¹⁹. Честного человека, глубоко и сознательно веровавшего христианина, всю душою преданного своему делу, оклеветали в целом ряде преступлений. Переполненный горьким чувством незаслуженной обиды, до глубины души возмущенный несправедливостью обвинений, – около пяти лет провел Филарет в ужасном положении. Сколько горя и туги пережил он в эти злосчастные годы, видно из его письма к протоиерею Турчанинову. «Честь, доверенность, должность, полезное служение Церкви святой, словом все, что есть достойного и приятного в общественной жизни, я все считал для себя потерянным. Пятый год, писал невинный страдалец, сердце мое каждый день паче всякой меры отягчаемо было, яко не надеяться мне и живу быти. Бывшее состояние мое можно, не обинуясь, приравнять к состоянию Иосифа во рве. Ежели бы я хотел описать вам, все мои страдания, надлежало бы написать к вам целую книгу. Ежели бы мне случилось лично с вами беседовать о том, вы бы не поверили и мне»²⁰. Единственным утешением для Филарета среди постоянных неудовольствий была возможность изливать пред Богом печаль свою словами псалмопевца, скорбные чувствования которого близко подходили к его положению, так что страдалец изучил на память всю псалтирь, которая и во всю последующую жизнь была для него самым любимым чтением. «Но, как видно, тяжесть скорби его доходила, наконец, до такой меры и степени, какая бывает посылаема от Бога и то редко, на особенных только избранных Его: это минуты того оставления на мало время, в кои или остается страждущему взывать: «Боже, Боже мой, векую мя оставил еси», или быть объятым и преодолеваемым тою бурей помышлений сумнительных, которые, может быть, опаснее самых тяжких страданий, и потому для избавления от них всегда является Божия помощь в особенных явлениях и знамениях»²¹. Так действительно и было. Однажды после пламенной и слезной молитвы Филарет увидел в полусонном видении руку, писавшую на стене: «Не бойся! судьбы архимандрита Филарета в руках Божиих». Это было предвестием последовавшей потом перемены в

его судьбе к лучшему.

Среди таких невзгод нес свои монашеские подвиги Филарет.

Несчастье действует на людей различно, смотря по степени их ума и нравственных сил: одних оно убивает, повергает в апатию или ожесточает. Это – люди с слабой волей, тратящейся на исполнение мелких прихотей, изменяющей им тогда, когда нужно бороться и терпеть; или это люди с узким и не вполне развитым умом, люди неспособные обсуживать своего положения, люди, выводящие общие правила из мелких случайностей и считающие себя какими то несчастными избранниками, жертвами, гонимыми роком. Их бессильная злоба на то, что они называют судьбой, кажется им законным и великим чувством, и они всецело отдаются ей. Других людей несчастье возвышает и очищает. В них спят неосознанные ими самими душевные силы; чтобы пробудить эти силы, нужен иногда сильный толчок, который, разрывая связь человека с окружающим его внешним миром, принудил бы его оглянуться па себя и привести в известность свое внутреннее достояние. Таким толчком бывает несчастье. После него люди становятся терпимее к другим: они полнее понимают чужие страдания и живей сочувствуют чужим радостям, хотя подчас и грустно становится у них на душе; несчастье делается для них школой; из тяжелого опыта они выносят умение сдерживать и осмысливать свои порывы, а главное – умение прощать и благоденствовать своим врагам. Только таких людей и можно назвать людьми крепкими и нравственно-здоровыми.

Если бы мы захотели теперь глубже заглянуть в душу Филарета и воспроизвести духовный облик этого изможденного страдальца и самую внутреннюю жизнь его, то, как на самые выдающиеся черты, характеризующие его духовное настроение, мы должны указать на его полнейшее незлобие и кротость. «Я поставлен был, пишет Филарет к протоиерею Турчанинову, главным предметом, па который долговременно и сильно устремляемы были все стрелы разгоряченного епископа... Но при всем том Спаситель мой сподобил меня сохранить мое незлобие.... Я и теперь его сохраняю иначе сохраняю, даже до того, что воистину я готов возлюбить во век всякого, творящего мне напасти»²². Что это были не слова только, выраженные в порыве временного чувствования, доказательством того служит вся последующая история отношений Филарета к Преосвященному Августину. Так в бытность свою архиеп. Ярославским, Филарет как скоро узнал, что Августин, уволенный в это время на покой в Варницкий монастырь Ярославской епархии, по недостатку средств, находится в крайне бедственном положении, то тотчас

же принял па себя ходатайство пред Синодом об увеличении ему пенсии, что и было немедленно сделано. Облагодетельствовавши таким образом своего недоброжелателя, Филарет и в последующее время не переставал выражать к нему свое расположение. Когда вышли в печати «Толковательные беседы» Филарета, то экземпляр этого сочинения, при самом дружелюбном письме, автор отослал к Августину. Вот еще один замечательный факт, ярко характеризующий незлобивую душу Филарета. Уже будучи Киевским митрополитом, Филарет нарочно приехал в Варницкий монастырь, чтобы поклониться праху почившего Августина, и во все время совершения панихиды стоял на коленях и усердно молился над могилою. А когда тут же присутствовавший настоятель Дмитриева монастыря спросил у него: «почему воздаст он такую честь лицу, находившемуся с ним в известных неприятных отношениях по службе?» святитель отвечал: «я должен преклоняться пред этим человеком, потому что он научил меня терпению и смирению; без его наставлений и уроков я, быть может, и не был бы митрополитом»²³. Факт этот относится по времени к 1842 г. – потому излишне и говорить, как, значит, неизменны были чувства незлобия в претерпевшем напасти к их виновнику преосвященному Августину²⁴.

Насколько недоброжелателям Филарета было знакомо незлобивое сердце его, настолько же подчиненным ему лицам, имевшим с ним постоянные сношения, видны были мягкость и кротость его души. Отличаясь сам строгою и воздержною жизнью, не оставляя и на высоком poste епископства своих аскетических стремлений, но выполняя со всем усердием все, что возможно было в его положении из аскетического подвига, Филарет же лад, чтобы такова была жизнь и подведомой ему среды, чтобы наведение ее было вполне чисто и безупречно. И этой высокой цели достигал он не карательными, грозными распоряжениями, внушающими других боязнь и беспрекословную покорность, а тихими, гуманными мерами, – кроткими наставлениями и замечаниями, отеческими выговорами и предостережениями. Вот почему все старцы Киево-Печерской Лавры в один голос повторяли, что Владыка Филарет был для них не митрополитом и даже как бы не настоятелем, а скорее всего отцом, старшим собратом, словом аввою, как разумелось и почиталось это наименование у древних подвижников иночества. Потому каждое его слово, всякая мысль, всякое желание были для всех законом. В случае же проступков резких и грубых Филарет руководился более всего духом и чувством всепрощения и всегда боялся, чтобы не быть жестоким. Не приводя здесь многих фактов, сообщаемых нам разными биографами

митрополита Филарета, мы укажем для примера хотя па один, действительность которого засвидетельствована была многими из лиц, начальствующих в Киевской Лавре. «В праздник Св. Преподобного Антония (10 Июля) высокопреосвященный Филарет возвращался вечером – поздновато из Лавры в Голосееву пустынь. Оказалось, что кучер, фореитор и самый лакей были не трезвы, так что, выехавши за город, сбились вовсе с дороги, Владыка, естественно, сначала не заметил их плутанья по полю. Когда же смерилось совсем, и судя по времени, должно бы быть давно дома, он понял, что дело не ладно, и понял, – в чем причина. Ехавшие кружили туда и сюда около леса, а, наконец, и совсем остановились. Владыка все время хранил молчание. С рассветом же, когда оказалось, что кучер и лакей заснули, он вышел из кареты и, зная местность, отправился пешком в пустынь. На пути, встретивши ехавшего крестьянина, попросил его довести себя несколько; затем, поблагодаривши его деньгами, он рассказал ему место, где остановилась его карета, и просил ехать туда, разбудить спавших и сказать им, чтобы они поспешали догнать его.

Легко представить, каково было состояние провинившихся. Но владыка не показал и тени гнева, а только с простодушием сказал: «вот верна поговорка: не загадывай вперед, а как Бог приведет. Думали быть дома вчера, а приезжаем сегодня». – Когда этот проступок стал известен, кому следует, и, по тогдашнему обыкновению, хотели наказать виновных, высокопр. Филарет воспретил и велел предать вину совершенному забвению. Виновные же, не свободные прежде от слабости по части хмельного, сделались с той поры примерно воздержными и исправными»²⁵. Сам кроткий, «успокаивая, по свидетельству современника, беспокойных тихостью и незлобием и ничем недовольных и ни к чему непризнательных умиряя новыми милостями», Филарет располагал к тому же образу действия и других. В письмах своих к настоятелям различных монастырей он рекомендует возможную снисходительность по отношению в управляемой среде, так чтобы подчиненные больше любили, чем боялись своего начальника. «Руководствуйте Господа ради вверенную вам братию в доброй жизни, не на немощь свою смотря, но на Него – Господа сил уповая. Сила бо Его в немощах совершается. Не дивитесь, что они слабы и противоречат истинному их исправлению, – таково есть растленное грехом естество наше. Ежели кто из нас имеет что-либо доброе, это не наше, а дар Его милосердия. А ежели Он отнимет Свою руку, помогающую нам, то мы тотчас сделаемся хуже всех. А всемогущая любовь Божия может самого

жестокоего грешника смягчить огнем своим божественным. Потому не унывайте и не отчаивайтесь никогда, хотя бы видели труды ваши бесполезными во многом. Божие дело есть возвращать, а наше трудиться, насаждать и напаять виноград Его пред всевидящими милосердыми Его очами. Строгость вашу всегда растворяйте отеческою любовью, или, паче, всякая строгость должна происходить из единого источника любви искренней и равной ко всем, всегда постоянной» ²⁶.

Но было бы ошибочным заключением, если бы на основании частых проявлений мягкой и кроткой природы Филарета мы подумали, что он не имел надлежащей стойкости в деле, был уступчив в сношениях с другими, допускал поблажку чужим грехам и небрежную запущенность в епархиальном управлении. Нет, митрополит Филарет с добротой и мягкостью умел соединять строгость, с снисхождением твердость и решительность. Натура его была нежная, деликатная, но в то же время упругая и устойчивая. С мягкими словами, с деликатными формами обращения являлся он в сфере предназначенной ему деятельности, но цели своей держался твердо и неуклонно, и, уступая в малом, уклоняясь от споров и шума, в существенном был непреклонен. «Бывали примеры, говорит арх. Сергей, что высокопр. Филарет являл себя как бы суровым и не умолимым к снисхождению. Так, прибыл в Киев один о. Архимандрит из ученых, которому, за увольнением от должности ректорской, назначено было, по определению Св. Синода, жить в одном из Киевских монастырей. Явился он ко Владыке; по он его не принял. Когда в тот же день вечером зашла речь об этом Архимандрите, Владыка начал говорить: «Начало падения человека – гордыня; а глубина падения – нечистота жизни, особенно для лица в духовном звании... Таких трудно покрывать. Пока Бог не обличает и соблазн не так очевиден, есть еще место некоторому снисхождению. Но когда грех открыт для всех и соблазн общий, тогда не должно пререкать суду Божию, и суд должен быть строгий. Тогда надобно смирать человека, чтобы привести его в чувство покаяния, а не усыплять его неуместною снисходительностью. Я боялся много, что его (архимандрита) поставят, пожалуй, еще повыше, а потом возведут и в архиереи... Но Бог не попустил... Человек этот, (замечено в записках о. Наместника) помешался и потерял вовсе разум» ²⁷.

Довольно строго поступал святитель и с белым духовенством, несмотря на искреннюю любовь к нему. Наглядным доказательством сказанного может служить отношение Филарета к распущенному казанскому духовенству. Поведение последнего, слишком не соответствующее целям и назначению пастырского служения, побуждало

владыку принимать такие меры, которые с первого взгляда могли показаться даже чересчур строгими, – оно заставляло его лишать многих из священнослужителей места, сана и даже духовного звания.

Но как мягкость и снисходительность, так точно строгость и неумолимость Филарета вытекали из одного источника – из сострадательной любви к ближнему. Чувство это свойственно было Филарету уже по самому природному складу его нежной и впечатлительной натуры. Сверх того, оно было у него результатом глубокой его религиозности, а также тех превратностей судьбы, которые пришлось ему переиспытать в своей жизни. Это глубокое чувство сострадательной любви к ближнему более всего выражалось у Филарета в теплом участии к нравственному состоянию ближнего, – в тихой грусти о его грехах и в ревностной заботе о его нравственном исправлении. Характерно в этом случае, упоминаемое самим Филаретом, отношение его к раскольникам. Сколько болела сострадательная душа святителя зри виде раскола, высказал сам он, прощаясь с Калужской паствой: «Господи Сердцеведче! Ты веши, сколько сердце мое воздыхало и будет воздыхать к Тебе, да сей знаменитый благочестием и добродетелями град²⁸, осыпанный всеми благодеяниями Твоими, очистится от последних остатков заблуждений и суеверия. Соверши над ним милость сию, – да будут вси едино стадо, и Ты един Пастыреначальник»²⁹. Охранение стада Христова от расхищения, предохранение православных от увлечения бреднями раскола и обращение последних на путь истины было главным делом Филарета во все время его епископства в Калуге; изворотливость же и хитрость раскольников в деле совращения истинных сынов Церкви Христовой сильно смущала ревностного по вере епископа; но, не смотря на это, Филарет никогда не прибегал по отношению к раскольникам к мерам насилия и стеснения. Он держался того мнения, что мучения никого не убеждают и, следовательно, никогда не приносят ни малейшей пользы той идее, во имя которой они производятся, и потому употреблял лишь нравственные меры убеждения, и в этом была величайшая его сила. Раскольники ценили высокие качества души Филарета и нередко целыми сотнями принимали православие. Но не одним только заблудшимся было известно любвеобильное сердце Филарета. Величие христианской любви в том и заключается, что она обнимает собою самый обширный круг людей и проявляется в самых разнообразных обнаружениях. И действительно: любовь Филарета была всеобъемлюща и безгранична. Казалось, что он любил всех больше, чем мать любит единственного сына своего. Не было случая в жизни человеческой, которого не могло бы воспринять в себя

чуткое сердце Филарета и не откликнуться на него. Не было страдания, не было скорби у ближнего, которых бы он не принял в душу свою и для врачевания которых не нашел бы подходящих средств. И вот столь всеобъемлющая, чуткая и отзывчивая любовь святителя делает его в глазах народа прибежищем, духовною опорой и утешением всех «страждущих, обремененных, скорбящих и озлобленных, и помощи требующих»³⁰. Лица всех возрастов, званий и состояний и обоих полов, доверчиво, искренно и чистосердечно раскрывали пред ним свой ум и сердце, свои сомнения и недоумения, свои духовные нужды и печали; свои прегрешения и греховные помыслы. И всех любвеобильный святитель удовлетворял и успокаивал, и никто не уходил от него без облегчения и душевного умиротворения. Столь удивительное умение духовного врачевания Филаретом приходящих к нему объясняется тем, что он, при указанных свойствах любви, обладал еще замечательною способностью понимать людей, стать в их положение, так сказать, отождествиться с ними. Великосветская женщина и последний бродяга одинаково чувствовали, что в святителе имеют самого близкого и вернее всех понимающего их человека. В этой взаимной уверенности друг в друге и в убеждении, что святитель все знает и все видит, дурное и хорошее, и хочет помочь, – и была великая сила. К такому целителю и знатоку души человеческой нарочно и стекались люди простые сердцем чуть ли не со всей России, чтобы видеть святителя, открыть ему душу свою и благословиться у него. Воспринявший в течение долголетней жизни в свою душу так много откровений, сокрушений и сознаний, святитель под конец ее приобрел уже прозорливость столь тонкую, что с первого взгляда на лицо незнакомого, приходившего к нему, мог угадывать, с чем тот пришел, чего тому нужно, и даже какого рода мучение терзает его совесть. От его проворливости ничто не укрывалось. Он в совершенстве, говорит один из современников Филарета, «ведал своих овец и уразумевал вся внутренняя души их; и, с тем вместе, знал по возможности и внешнее житейское положение и даже, истинно по дару прозорливости, вдруг неожиданно являлся иногда в дома их, в среду семьи, как истиннейший и любвеобильнейший отец, – учитель и утешитель, не взирая ни на какое состояние посещаемых по сословию, или служебному званию, как будто он сам постоянно вращался посреди всех»³¹. Внимательный в духовным нуждам ближнего, готовый по мере сил удовлетворять их, Филарет в то же время был внимателен и к вещественной нужде всякого. «И в этом отношении, справедливо замечает Арх. Сергей, имя в Бозе почившего, во всеобщем признании и памяти, останется, кажется, образцом добродетели»³².

Увидавши чужое горькое положение, Филарет всячески старался облегчить его. «Подавай, подавай, более подавай, твердил, бывало, Владыка, своему келейному: не забывай этого так же как подливать масло в лампадки и даже более»³³. Но этого мало. Ночью Владыка сам иногда выезжал с келейным своим монахом, чтобы в окна тех домов, где, как узнавал он, водворялась нищета и неразлучные с ней страдания, – класть тайные милости. «Вообще же, по словам свидетельствующих, нужно было видеть Владыку, в каком он был особенном расположении духа, когда видел, что много приходило нищих и просящих, и, наоборот, заметно печалился, когда (почему-либо их было мало)»³⁴. Видно было, что душа святителя чувствовала живейшую отраду в творимой им ежедневно милостыне и еще здесь на земле предвкушала то блаженство, которое обещано в евангелии милостивым.

Все проявления мягкой и любвеобильной, но вместе стойкой и сильной души Филарета сопровождалось смиренным сознанием его о себе. Смирение, самое искреннее и глубокое при силе, широте его архипастырской мудрости, придавало особенно тихий, симпатичный и приятный вид всему строю его духовного существа и окружало его как бы некоторым духовным ореолом. Оно побуждало его уклоняться от видных, общественных мест и избегать всякого рода почестей. Оно и на высоком посту сближало его с меньшею братиею и заставляло его поддерживать с низшими людьми любовные дружеские отношения³⁵ и употреблять ласковые формы обращения. В письмах своих к друзьям он нередко хвалит последних за добрую и благочестную жизнь, а на себя самого смотрит как на «самого непотребного служку» Киево-Печерской обители. Всегда идеально-настроенный и вместе необыкновенно чуткий ко всем малейшим оттенкам своей внутренней психической жизни, внимательно прислушивавшийся ко всякому, даже едва заметному, проявлению в душе своей «греховного человека», он не имел недостатка в поводах к недовольству наличным состоянием своей нравственной личности, и достигнутый уровень нравственного совершенства всегда понижался в глазах его при сопоставлении с теми идеально высокими образами праведников, которые непрестанно с поразительной живостью предносились пред его сознанием. И вот – смиренное, самоуниженное чувство сознания своего не достоинства, которое выражалось у него во всем, – и в словах, и в делах, и в одежде, и даже в самом лице. «Довольно было посмотреть, говорить один из современников Филарета, на приснопамятного святителя, чтобы вынести глубоко-поучительный урок на всю жизнь. Евангельское смирение обрисовывало, как ореол, его лице,

просветленное чистотою души; взор поникнутый, чело, полное глубокой думы, всякому свидетельствовали, что ум его был постоянно занят иным, невидимым»³⁶. Люди, исполненные уважения к святости, и добродетели Филарета и к его правительственной мудрости, позволяли себе в сношениях с ним открыто выражать это уважение к его достоинствам и величали его почетными титлами. Всякий раз такие обращения смущали смиренную душу святителя, и он спешил отрицаться похвал, приносимых ему как дань уважения. «Чтобы сказать все, говорит один из биографов Филарета, – что мне известно, о неподдельном смирении этого истинного человека, а с тем вместе, чтобы и не дать пропасть сказанию, которое может пригодиться для характеристики простой, но замечательной личности митрополита, запишу следующее событие, известное мне от очевидцев. Когда юго-западный Генерал-губернатор Бибиков возвратился в последний раз из Петербурга, где он был назначен на должность Министра Внутренних Дел, то он посетил Митрополита Филарета и, рассказывая ему новости, какие считал уместным сообщить, его смирению, привел слова Императора Николая Павловича о церковном управлении.

Слова эти, очень верно сохраняемые моею памятью, были таковы, что, будто покойный Государь, разговаривая с Бибиковым о разных предметах, сказал: – о церковном управлении много беспокоиться нечего: пока живы Филарет мудрый да Филарет благочестивый, все будет хорошо».

Услышав это от Министра, Митрополит смутился и поник на грудь головой, но через секунду оправился, поднял лицо и радостно проговорил: – «Дай Бог здоровья Государю, что он так ценит заслуги Митрополита Московского».

– «И Ваши, Ваше Высокопреосвященство», поправил Бибиков.

Филарет снова смутился. – «Ну, какие мои заслуги?... ну что... тут... Государю наговорили... Все «мудрый» Филарет Московский, а я ... что, – пустое».

– «Извините, Владыка: это не вам принадлежит ваша оценка!»

Но Митрополит замахал своею слабою старческою рукою. – «Нет... нет уж позвольте... какая оценка: все принадлежит мудрости Митрополита Московского. И это кончено, и я прошу Ваше Высокопревосходительство мне больше не говорить об этом»³⁷.

Обрисовавши нравственный облик митрополита Филарета, остановимся для более обстоятельного анализа его умственного склада.

Направление мысли Филарета было полно самой глубокой веры. Всей душой он был предан высокому христианскому учению и в его усвоении и

принятии полагал источник всякого прочного знания и вместе с тем истинное благо. «Те только и ходят во свете, говорит святитель в одной из своих бесед ³⁸которые для ума своего не имеют другого света, кроме света Христова, которые для сердца своего и жизни своей не имеют другого правила, кроме образа святейшей жизни Спасителя». Поэтому необходимо, учит он в другом своем поучении³⁹, «смирить гордый ум и покорить его в послушание слову Божию; иначе человек навсегда останется в собственной своей тьме, хотя бы приобрел и всю земную мудрость, – подобно тому, как непокорное и упрямое дитя останется при своем полном невежестве». Великие тайны Божии, высокие догматы веры, предписания нравственного и церковно-христианского закона, сказания о проявлениях чудодейственной силы благодати Христовой в подвижниках благочестия – все это входило в его сознание из готового церковного предания, и на все, отмеченное высшим авторитетом, он отвечал сердцем, полным беспрекословной веры. Мысль его далеко была от стремления к тому или иному критическому отношению к христианскому учению; из глубокого уважения к богооткровенным истинам он как бы боялся критически заглянуть в их содержание, боялся строго взвешивать принимаемое на веру своим рассудком. «Верить слову Божию, в евангелии нам преданному, замечает Филарет в своем слове ⁴⁰ на 4-ю неделю великого поста, мы должны в простоте сердца, – верить всему с детским и младенческим сердцем, что говорит Бог». Искренняя его вера и останавливалась главным образом на тех именно истинах христианской догматики, в деле усвоения которых не требуется анализирующая сила рассудка. Так он увлекался прежде всего учением о воплощении и искуплении, спасительные страсти Христовы он любил воспоминать денно и нощно, так что имя Господа Иисуса постоянно было на устах святителя. Но всего более и чаще два представления занимают всегда религиозно-настроенную мысль Филарета, – представление смертного часа со всеми его ужасами, и в особенности, второго пришествия Господня и страшного суда ⁴¹. Его умственному взору непрестанно предносится величавая картина шествия Сына Божия, окруженного тьмами небесных сил, имеющего судить живых и мертвых, – радостных лиц праведников, восхваляющих величие Божие, и мрачных лиц осужденных, в безотрадном отчаянии проклинающих свое неразумие. О чем бы Филарет ни говорил, о чем бы ни думал, – все так или иначе наводит его на мысль об этих последних событиях мировой истории. В этом преимущественном внимании святителя к заключительному слову христианской догматики виден характеристический признак его мышления. Богу не угодно было

раскрыть нам с ясностью последние судьбы наши, и сами по себе они представляют, предмет мало поддающийся нашему рассуждению. Если где, то здесь нам заповедано ходить верою, а не видением. Но здесь-то собственно Филарет чувствовал себя в своей стихии, и вера его побеждала незаконные вторжения в эту область философских соображений, основывавшихся на произвольных и чуждых христианству началах.

При подобном настроении богословствующей мысли Филарета, от него, естественно, нельзя было ожидать большого сочувствия к светской науке или увлечения мудростью мира сего. «В какой мере Филарет Московский ⁴², говорит арх. Сергей, провозглашен был, еще от первых дней служения и великим богословом и великим философом, – словом, по буквальному выражению в самой литературе, одним из современных мудрецов, или главою мудрецов христианских, в такой Филарет Киевский оставался в безызвестности, или прямо почитался и слыл за простеца по уму и, тем паче, по учености и всего более сравнительно с Филаретом, митрополитом Московским. Тогда как последний готов был всегда вступить и вступал в рассуждения по самым современным философским вопросам об руку с Шеллингом, Гегелем и К, последний не мог произносить и не любил слышать даже самые имена последних». ⁴³ Самая роскошная языческая ученость казалась ему если не буйством, то ничтожеством, не заслуживающим большого внимания со стороны посвященного в тайны откровения. Однажды, когда на публичном экзамене зашла речь о древних философах, Филарет вдруг подозвал к себе десятилетнего мальчика и, заметив, что древние философы не знали тех высоких истин, какие знают у нас даже дети, велел малютке прочесть символ веры. В другой раз, когда один из студентов Киевской академии особенно твердо и бойко передавал биографию Сократа, Владыка неожиданно спросил его: «а можешь ли ты также твердо и подробно передать жизнь Св. Ап. Павла»? Не мало сохранилось в предании Киевской академии и других подобных фактов; но дело в том, что совершенно несправедливо видеть здесь (как представлялось некоторым) непонимание им значения науки – философии, или полное предубеждение против нее, или же бессознательную антипатию. Усматривать и указывать что-либо в этом роде возможно со стороны лишь тех, которые сами не глубоко разумеют науку – философию, преклоняются лишь пред одним ее именем и авторитетом представителей ее, особенно позднейших. Из приведенных фактов очевидно, что Филарет относился так собственно не к философским познаниям, а к образу и мере пользования ими, особенно же в области тех истин, которые недоступны ведению естественного разума и

вместе с тем, могли быть в ущерб истинного разумения на основании прямого Богооткровенного учения. Если же он резко иногда выражался в подобных случаях, то это совершенно естественно было при его богомысленном настроении и вообще духовно-нравственном состоянии. По одному чувству святой ревности о Богоспасительных истинах для него было слишком ощутительно всякое приращение к ним каких-либо мнений и неуместных исследований, отзывающихся не только возношением на разум Божий, но и сколько-нибудь свободным отношением к этим истинам. А что такие приращения к истинам христианского вероучения были не редкостью во времена Филарета, можно видеть из следующего факта, занесенного в историю Киевской академии Аскоченского.

«Однажды один из профессоров (иеромонах Феофан) па лекции в университете, проводя, по обычной тактике своих мистифирующих воззрений, параллель между духовным и чувственным бытием, задался вопросом: «что значить, что когда режут, напр., курицу, она так сильно трепещется и бьется?» и разрешил это тем, что будто бы не страх смерти и боль от резания приводят ее вт. такое состояние, а какое-то чувство восторга, что вот-де она (курица), назначенная в пищу человека, чрез процесс питания обратившись в соки организма, как существа высшего телесно-духовного, переходит из своего чувственного животного бытия в высшее... и что она предвкушает здесь как бы сладость того состояния, которого, по славу Апостола, чае вся тварь: «яко и сама тварь освободится от работы нетления в свободу славы чае Божиих»⁴⁴. Понятно, что подобный образ философствования не мог быть по вкусу такому строгому блюстителю чистоты христианской веры, каким был Филарет. В ближайший же праздник он сделал строгий выговор оригинальному метафизику и заставил его отказаться пред студентами от своего мнения. За то когда в изысканиях профессоров святитель замечал полную гармонию веры и знания, то относился к философской науке с полным сочувствием, глубоко ценя сообщение воспитанникам истинных философских воззрений и знаний Мало того, он сам нередко обращался к знаменитым в свое время профессорам Скворцову или Михневичу для освещения тех или других положительных истин христианства с философской точки зрения и выслушивал их ответы с полным вниманием и удовольствием, хотя иногда и сдерживал их в некоторых воззрениях; или же на их рассуждения излагал свои и, при всей видимой простоте, всегда метко и верно определял самые философские положения, хотя и помимо научно-систематических исследований, открывая и указывая коренные, и что главнее всего, истинные начала всякого познания в едином источнике

ведения – христианском учении. Что было совершенно естественно для его духовно-подвижнического состояния, в котором обыкновенная мыслительность философская переходит в духовную созерцательность, и где самые истины из отвлеченных понятий преобразуются и воплощаются в дух и жизнь.

Итак из сказанного видно, что личных решительных не сочувственных воззрений и отношений к философии со стороны высокопр. Филарета не было. Это же сейчас увидят читающие и из того, – какой высокой степени развития и процветания достигла именно эта область ведения в самой Академии во дни высокопр. Филарета.

«Философские науки в Киевской академии, при протекторстве м. Филарета, доведены были до такого состояния, что подобного преподавания их едва ли можно было найти в самых лучших университетах Европы. Протоиерей Скворцов, Новицкий Михневич, Авсенов – вот кватрумвират, под руками коего возделывалось широкое поле философствования, согреваемого лучами веры православной!... Фихты, Шеллинги, Гегели и другие хитрецы немецкой мудрости ложились ниц пред мощно-русской верующей мыслию и здоровым словом с своими высокопарными темноглаголениями, что видели, хотя и юные возрастом, по возмужалые смыслом питомцы богохранимого училища, и сознавали, что у всех этих, так называемых, гениев мышления, по русскому выражению, заходил лишь ум за разум»⁴⁵.

Этим мы и закапчиваем характеристику митрополита Филарета. Думаем, что приведенных черт достаточно будет для того, чтобы живо представить себе все духовное величие и мощь личности нашего проповедника.

Отдел II

Памятники проповедничества Филарета Амфитеатрова. Издание его проповедей. Направление проповеди Филарета; его отношение к священному Писанию и к запросам своего времени

Убежденный в том, что проповедование слова Божия есть прямой и притом весьма естественный долг пастырского служения⁴⁶, проникнутый любовью к ближним, Филарет с пастырскою ревностью и настойчивостью занимался проповедничеством. «Каждое священнослужение архипастыря, запечатленное необыкновенным благоговением, говорит один из современников Филарета, напаяло души предстоящих и млеком евангельского учения»⁴⁷ Да и в самых проповедях Филарета есть довольно ясные указания на то, что поучал он с церковной кафедры весьма часто и вообще обнаруживал в этом деле самое живое и искреннее усердие. Проповедник нередко, напр., ссылается в своем церковном слове па содержание бесед, говоренных им гл» прошлые воскресные дни⁴⁸, а в первой беседе первого тома⁴⁹ он прямо заявляет, что будет, проповедовать, по возможности, «в каждый воскресный день, как такой, который Сам Бог освятил и отделил на служение Ему и на поучение в законе Его». В виду того, что проповедническая деятельность Филарета продолжалась несколько десятков лет, в виду его неистощимой плодовитости, необыкновенной ревности к проповедованию, его навыка говорить без приготовления⁵⁰, можно было бы ожидать, что число проповедей, оставшихся после Филарета, будет очень значительно. Действительность, однако, далеко не оправдывает таких ожиданий. До нас дошло от Филарета всего только три небольших сборника его проповедей. Но мы имеем основание предполагать, что указанные три сборника вовсе не заключают в себе всей совокупности церковных слов, сказанных святителем в течение долговременного служения его Церкви. Наше предположение подтверждается отчасти тем уже, что в них опущены некоторые беседы, сохранившиеся в отдельных брошюрах, именно: 3 беседы па 16 гл. евангелия от Матфея, 2 беседы на 19 – 25 ст. 9-ой гл. того же евангелия и 1 беседа о благочестии. Но, помимо всяких соображений и догадок, мы имеем и более сильное фактическое основание утверждать, что многие из проповедей Филарета действительно не дошли до нас. Известно, что митрополит Филарет 1-го Сентября 1857 г. совершил последнее в своей жизни освящение новоустроенной кладбищенской

церкви в Киево-Фроловском женском монастыре, при чем сказал поучение, по обычаю, без предварительного приготовления, на притчу Спасителя: «уподобися царство небесное человеку – царю, иже уготова брак сыну своему» (Мф. 24: 1–4). Между тем беседы этой нет ни в сборниках, ни на страницах наших периодических духовных журналов. Сохранился лишь конец указанной проповеди, помещенный в Полтавских епархиальных ведомостях⁵¹. Многие из проповедей Филарета могли легко затеряться потому, что он говорил свои краткие беседы по большей части импровизацией и не думал хранить и распространять их в обществе. До нас дошли, очевидно, только те из них, которые предварительно составлял он пред произнесением, а равно и те, какие сохранили нашему времени счастливый случай да благочестивое внимание слушателей.

Мы скажем теперь несколько слов об издании проповедей митрополита Филарета.

Проповеди Филарета начали издаваться довольно рано и прежде всего в различных наших периодических духовных журналах. Некоторые же печатались вслед за произношением отдельными брошюрами, как-то: 1) слово при вступлении на Киевскую кафедру, 2) слово в день восшествия на престол Императора Николая Павловича и 3) речь, произнесенная при открытии в Киеве кадетского корпуса. Но этого было недостаточно; благочестивая ревность побудила некоторых хлопотать об издании проповедей Филарета в особых сборниках, и вот в настоящее время имеем мы уже три таких сборника. Первый из них издан был при св. Синоде в 1827 г.; сборник этот составил собою первый том поучений нашего проповедника и содержит в себе 20 бесед на 5-ю, 6-ю и 7-ю главы евангелия от Матфея. Те же 20 бесед изданы были потом два раза в Киеве, при Печерской Лавре, в 1837 и 1838 годах. Рассматриваемый нами том имеет еще 4-е издание от 1842 г, но только в измененном виде, а именно: к указанным беседам присоединено здесь новых – 14 на 8-ю, 9-ю, 10-ю и 11-ю главы евангелия от Матфея.

Второй том проповедей нашего автора вышел в свет в 1847 г. и состоит из 30 бесед на разные места из всех четырех евангелий; полное заглавие его таково: «беседы, говоренные Правительствующего Синода членом Филаретом, митрополитом Киевским и Галицким, Киево-Печерской Лавры священно-архимандритом и разных орденов кавалером.» В 1883 году издание это было повторено.

Наконец третий небольшой том, содержащий в себе 35 слов и 11 речей, появился в 1857 г. под следующим заглавием: «слова и речи, сказанные в разные времена синодальным членом Филаретом,

митрополитом Киевским и Галицким».

При многих проповедях как в подстрочных замечаниях⁵², так равно и в самом содержании их⁵³ есть указания времени и места, когда и где они были произнесены. Указания эти очень важны и дороги для нас: они дают нам некоторую возможность определить видоизменение проповедного сознания у митр. Филарета в период его деятельности на этом поприще. Основываясь на них, мы однако же не можем допускать какого-либо непостоянства или колебания в настроении мысли нашего проповедника и должны признать церковное слово его всегда верным себе, с одним и тем же твердо установившимся направлением.

Какое же было направление проповеди митр. Филарета? Вот вопрос, который предстоит теперь решить нам. История церковного проповедничества знает два разных типа проповедников. Одни держатся того убеждения, что с церковной кафедры должно сказать всю волю Божию, выраженную в откровении, и что не дело проповедника спускаться после высоты христианского учения в мутную область действительной жизни. У таких проповедников нет частного анализа наблюдаемой ими действительности; слушатели сами должны позаботиться о приложении к делу изъясненной проповедником воли Божией. Другие проповедники, напротив, исходным пунктом своих поучений считают явления современной им религиозно нравственной жизни. Слово таких проповедников, сближаясь с современной действительностью во всех ее проявлениях, ставит прямою своей задачей разоблачить несостоятельность и ненормальность господствующего образа мысли и деятельности, указать и научить, как должно жить и действовать при той обстановке и при тех самых условиях, в какие поставлены слушатели. С интересом останавливается на таких проповедях нравоописатель протекшей жизни, в них он видит внутреннюю летопись века и, как в зеркале, созерцает отражение давно минувших дней.

Митрополит Филарет принадлежал к первому типу проповедников. Содержание его проповеди исчерпывается преимущественно темами из общего христианского учения, заключающегося в слове Божием и хранимого церковью, без строгого и широкого применения к местным и временным обстоятельствам и вопросам общества; главная и существенная цель ее состоит в том, чтобы так или иначе ознакомить слушателей с вероучением и нравоучением христианским, чтобы привить к ним благочестие и сделать их истинными сынами православной церкви. Глаголы святой Православной веры, глаголы св. Писания, как замечает сам проповедник, составляли начало, продолжение и конец слов, им

произнесенных⁵⁴. С священной книгой в руках является святитель на церковной кафедре и учение свое всегда привязывает к боговдохновенным словам Библии⁵⁵. Такой способ проповедничества вполне объясняется умственным складом митр. Филарета. Проникнутый глубоким уважением к библейскому слову, по которому он нередко доходил до отвержения всех других источников знания, видя в Библии единственное истинное руководительное начало для человека, мог ли Филарет проповедовать о чем-либо другом, чего прямо не указало св. Писание? Отступление от библейских начал казалось ему не только прихотью смелого ума, а прямой опасностью для чистоты учения и оскорблением самой священной кафедры.

Такой порядок проповеднической практики мало благоприятствует современности слова. Исходная точка проповеди поставлена здесь в области вечной божественной истины, выше движущейся массы житейских страстей и интересов. Нужды народа и нужды времени отодвинуты на задний план, и к ним, не нарочно, а только как бы случайно и мимоходом, обращается слово проповедника. Мы не можем потому ожидать от проповеди Филарета полного и всестороннего выражения религиозно-нравственного сознания времени со всеми его достоинствами и недостатками. Говоря таким образом, мы однако не думаем утверждать, чтобы церковное слово нашего проповедника было безусловно оторвано от окружающей его среды. Абсолютно оторванный от жизни проповедник так же не мыслим, как не мыслим абсолютный человек, существующий вне условий пространства и времени, вне племенных и общественных отношений. Как- бы сильно ни была развита в проповеднике чисто субъективная сторона творчества или как бы ни было велико его увлечение библейскими началами, с которым его проповедь становится оторванной от действительности, проповедник тем не менее остается сыном своего века, произведением и представителем своего общества, и если он не лишен абсолютно инстинкта общности и интереса к своим ближним, он не может уничтожить в себе духа времени, т. е. того содержания, тех стремлений какие господствуют в умах и сердцах его современников и сограждан, а, напротив, всегда прямо или косвенно, положительно или отрицательно отразит в себе эти стремления, станет на той или другой стороне в той борьбе, которою совершается религиозно-нравственное развитие общества, К тому же Филарет не принадлежал к мечтательно-созерцательным натурам, а потому и не мог быть безучастным к современности; он был слишком деятель, чтобы молчать и не негодовать при виде зла. А внешние обстоятельства и более всего его

общественное положение, как иерарха, не могли оставить его в положении зрителя, а не деятеля в общественной жизни. Не пускаясь в водоворот обыденной действительности и не делая подробной ее характеристики, Филарет уделяет последней некоторую долю своего проповеднического внимания и нередко изъяснение священного текста ведет в близкой связи с различными запросами и недостатками своих современников и теми препятствиями, какие встречали они в деле достижения евангельского совершенства. Проникнутый любовью к ближним, он так или иначе затрагивал современные волнения и потребности, хотя и не захватывал их широко своею анализирующею мыслью, отвечая на них более чувством, чем всеопределяющею силою рассудка.

Каких же сторон религиозно-нравственной жизни русского общества коснулось проповедное слово Филарета?

С начала 19-го столетия русское общество, под влиянием западно-европейских событий, переживало замечательную эпоху в истории духовно-религиозной жизни. Вольтерианизм, нашедший было у нас живое сочувствие в первую половину царствования Александра 1-го, во вторую—сменяется необыкновенным возбуждением религиозно-нравственных интересов. Началось господство религиозного мистицизма. Сущность мистицизма, по замечанию проф. Чистовича⁵⁶, заключается в стремлении к достижению истины путем непосредственного внутреннего созерцания его, помимо внешних способов чувственного опыта, наблюдения и научного исследования, которые дают истину не полную, отрывочную, рассудочную. В области религии мистицизм состоит в чувстве постоянного, Живаго, духовного общения с Богом и в стремлении к духовному возрождению силою внутренне-действующей в человеческом духе благодати. Таким образом, по самому существу своему, религиозный мистицизм есть душевная деятельность, находящая возбуждение для себя в самой глубине человеческого духа, в стремлении его к единению с Богом. В этом отношении, появление мистицизма в данное время было полезно и благотворно, как пробуждение общества от духовной косности или от довольства обрядовым благочестием в духовной самодеятельности и к нравственному самоусовершенствованию. Но есть в мистицизме другая сторона, которая всегда возбуждает против него различные нарекания. Основываясь на внутреннем духовном опыте и ища откровения воли Божией не вне себя и не внешним путем, а во внутреннем голосе сердца, в глубине сокровеннейших душевных движений, мистик, неизбежно выходит из повиновения внешнему церковному авторитету, или, сохраняя уважение к нему, считает церковные таинства, установления и всю вообще

внешнюю церковную сторону, только символами, которые сами по себе не имеют значения и служат только внешними знаками того или другого внутреннего душевного состояния. Таким образом, в самом существе религиозного мистицизма заключается некоторое отчуждение от Церкви. Для многих из церковной жизни остается только то, что требует и закон гражданский – быть крещенным, повенчанным и погребенным. При таком положении дела, благомыслящему пастырю проповеднику необходимо было остановиться прежде всего на внешнем христианском благочестии, надлежало показать необходимость его для каждого истинного последователя учению Христа и ту существенную пользу, какую может принести оно для внутренней нашей чистоты. С глубоким благоговением и сыновнею преданностью Церкви говорит Филарет об его богослужбных предписаниях⁵⁷ и простотою убеждения гонит здесь от себя все так называемые рациональные доказательства; он не входит в такие или иные прения с противниками церковного учения, но горит желанием лишь разъяснить и передать слушателю то, что заповедано церковью, и чему учит пас слово Божие, думая этим путем предохранить своих современников от увлечения быстро распространившейся пагубной заразой.

Тогда как интеллигентный класс русского народа заражен был мистическими бреднями запада, в низших слоях общества было распространено увлечение расколом. Старообрядцы, с царствования Императрицы Екатерины 11-ой получивши полную свободу вероисповедания и доступ к общественным должностям, в 19 столетии организовались в прочные общества и опутывали своими сетями простодушных православных. Невежество же русского простолюдина было удобною почвою, на которой росла и созревала раскольничья пропаганда. Чтобы предупредить распространение этой заразы между православными, Филарет старался действовать на последних своими проповедями. С одной стороны, он указывал слушателям, как несправедливы раскольники, отделившие себя от единой Православной Церкви; с другой стороны, имея в виду враждебные отношения православных к раскольникам, Филарет старался примирить их своею проповедью, надеясь чрез это достигнуть и примирения церковного⁵⁸. Проникнутый евангельскою ревностью о спасении ближних, святитель радуется, когда проповедь его имеет успех, но косность раскольников, их упорство в своем заблуждении глубоко удручают впечатлительную душу проповедника⁵⁹, и из его сердца, переполненного любовью к пасомым, вырывается теплая молитва о спасении «заблуждающихся»⁶⁰. Можно

наблюдать в проповедях митрополита Филарета следы и других религиозно-нравственных недостатков современного ему русского общества.

Мы сказали выше, что вольтерианизм со второй половины царствования Александра I-го начинает сменяться мистицизмом. Однако старая закваска пне вдруг потеряла свое действие, горькие плоды ее продолжали еще существовать в значительной части русской интеллигенции. Отвергая те начала жизни которые каждый отдельный человек и целое общество находят прежде всего в религии, уклоняясь от носительницы этих начал – Церкви, многие из современников Филарета совершенно безучастно относились ко всему тому, что выходило из сферы житейских волнений и интересов. Само собой понятно, что столь крупное по своей безотрадности явление в общественной жизни того времени не могло остаться не отмеченным в проповедном слове митр. Филарета. По долгу пастыря-иерарха, находясь в теснейшем общении с жизнью, он должен был воспринять в себя явления времени и высказаться по поводу их в положительной или отрицательной форме. Так действительно и случилось. Обращая свой взор на движущуюся вокруг себя жизнь, митр. Филарет находит, что горькая жалоба, высказанная некогда еврейским пророком, на безучастность народа к его проповеди, с большим еще правом может быть повторена в настоящее время. «То, что Пророк Богодухновенный видел издали, видим мы, брат., пред очами нашими. – Но почто сердца наши не трепещут от благоговейного страха при виде Спасителя нашего уничиженного, поруганного, всего изъязвленного и всесвятую жизнь Свою скончавшего поносною смертью крестною? Почто беспредельные болезни Божественной души Его не проникают всей глубины душ наших, и не изводят источников слезных?... Малость истинно верующих в Иисуса Христа во дни сеней и гаданий, не упадет ли и на время явления и откровения тайны искупления нашего? Истинные служители слова не имеют ли и ныне причины в духе любви вопиять к Отцу светов: Господи! кто верова слуху нашему, и мышца Господня кому открыся?»⁶¹.

Но несмотря на все указанные нами черты отзывчивости проповеди митр. Филарета на современную жизнь, она все таки остается проповедью теоретическою (т. е. в смысле общности ее нравоучительного содержания), представляет собою общее увещание к добродетельной жизни, без обличения, за весьма редкими исключениями, современных пороков. Если митр. Филарет и касается состояния общества и современных нравственных недостатков его, только что указанных нами, то почта

всегда лишь мимоходом, кстати и кратко и не останавливается на них. Всегда идеально настроенный и занятый предметами божественными, он более расположен был делиться с слушателями теми небесными мыслями и чувствами, которыми полна была его собственная благочестивая душа, чем спускаться в водоворот мирской жизни, более побуждался к беседам о возвышенных предметах веры и благочестия, чем к анализу и бичеванию современного мирского нечестия.

Что сказать относительно такого характера проповеди митр. Филарета? Отнести ли это к достоинствам его проповеди или, напротив, считать такую постановку учительного слова святителя недостатком? Мы не стали бы возбуждать этого вопроса, сели бы в нашей духовной литературе не высказывалась по временам мнения в пользу отвлеченной, оторванной от жизни проповеди. «История проповедничества, говорит один из апологетов такого типа проповеди, хранит огромное число таких проповедей, в которых безотносительно к обстоятельствам времени излагается вероучение и нравоучение христианское. Проповеди этого рода без особенного неудобства могут быть произносимы во всякое время и у всякого народа... Составители их, очевидно, были выше своей современности и не увлекались ею. Стоя на высоте христианского познания, они старались возвысить до себя и свою паству и не пускались в водоворот современности и обыденной действительности. Нет, кажется необходимости и современным проповедникам, в виду этого, беседовать о предметах, не подлежащих непосредственно церковно-религиозному созерцанию: как служитель алтаря, пастырь и в проповеди ничего не должен привносить в храм чуждого алтарю, и он исполняет при этом вполне законно свой долг, когда не перестает сообщать своим братьям по вере и чадам по служению ясное слово, направленное к раскрытию тайн веры и благочестия»...⁶² В только что приведенной тираде нет ни одного положения, которое не могло бы быть не оспорено. Проповедь – не диссертация, написанная для всех и ни для кого в отдельности; она назначается для слушателей определенного времени и с известными потребностями: следовательно, должна быть сообразна с этими потребностями, – должна быть современна. В разные времена возникают разные вопросы, называемые историческим развитием жизни; появляются разные недоумения относительно самых предметов религиозных, усиливаются особенно некоторые заблуждения и болезни нравственные: зорким взглядом проповедник должен следить за явлениями современной жизни и сообразно с ними избирать предметы для своей проповеди. Его долг не просто преподавать евангельское учение, но провести это учение в

жизнь людей и, следовательно, показать, как оно должно выразиться в их жизни. Спаситель сравнивает проповедника слова Божия с сеятелем, сеющим семена; но сеятель не бросает своих семян па ветер, а старается о том, чтобы они упали на почву, которую он для того предварительно расчищает, освобождая ее от всего, что может заглушить семена. И сеятель евангельского учения должен изучать и расчищать почву жизни, если не хочет, чтобы это учение оставалось бесплодным. Не сомневаемся, что склонность к пороку лежит в испорченной воле человека; но в то же время думаем, что человеку не так трудно было бы избавиться от многих пороков, если бы они не имели для себя глубокого корня в разных условиях и обстоятельствах самой жизни, которые и делают их для человека как бы неизбежными. Значит, чтобы уничтожить какой-нибудь порок из жизни человека или целого общества, нужно внимательно разобраться, от чего он произошел и чем особенно поддерживается, и указать противодействующие ему, равносильные его влиянию в жизни, средства; а без этого проповедник напрасно будет рассуждать о пороках и убеждать слушателей удаляться от них. Слушатели и без него знают, что это – пороки, и что от них, надобно удаляться; они хотят, чтобы научили их, как можно спастись от того или другого порока посреди той жизни, тех обстоятельств, которые их приводят к этому пороку, и в которых они находят для себя оправдание в нем, хотя и признают его губительное. Конечно, и общие отвлеченные от жизни проповеди не остаются бесполезными: они сообщают познание веры и благочестия христианского; только это познание медленнее и труднее переходит в животворную силу, которая, проникнув все существо человека, выразилась бы делами жизни, нередко оно только усиливает тот столь обыкновенный разлад между верой и жизнью, вследствие которого вера и знание существуют сами по себе, а жизнь, в свою очередь, идет также сама по себе.

Таким образом, у проповедника постоянно должна быть пред глазами жизнь поучаемых; и религиозно-нравственными их потребностями, главным образом, должна определяться его проповедническая деятельность. Защитники отвлеченной от жизни проповеди ссылаются на Отцов Церкви и в проповеднической практике последних думают найти оправдание для своего взгляда на проповедь. Но Отцы Церкви постоянно и внимательно следили за всеми событиями народной жизни, пользовались каждым случаем и из всего извлекали для себя повод и предмет для своих наставлений. При этом они ставили себя в такое тесное отношение с своей паствою, что, можно сказать, не отделяли своей жизни и своих интересов

от жизни и интересов поучаемых, радовались их счастьем и радостью, страдали их бедствиями и страданиями. Вот почему их проповеди, более чем другие литературные произведения, отразили в себе черты современных им нравов и обычаев, так что сообщили истории много данных для ее выводов о состоянии греко-римской жизни по принятии христианства. И мы должны сказать, что при всем уважении к высоким целям назидания, преследуемых общею проповедью евангелия, цвет и тон эпохи, отражающийся в церковном слове Отцов Церкви своими резкими и характерными звуками, невольно привлекает к себе мысль читателя. Из множества проповедей, дошедших до нас от прежних времен, если не самыми лучшими, то наиболее замечательными по определенной характерности своего содержания, кажутся именно те проповеди, в которых ясно виден след временной нужды.

Преобладание нравственного элемента в проповеди митрополита Филарета. Характер его морали.

Выше было замечено, что митр. Филарет принадлежал к числу тех церковных витий, проповеди которых отличаются догматико-нравственным содержанием. Однако одни из них говорят преимущественно о догматической части христианского богословия; другие проповедники, напротив, мало касаются догмата и стараются вращаться в кругу нравственных применений к слушателям. Проповедник поступает в данном отношении так или иначе вследствие известного склада своего ума и известного направления своих гомилетических убеждений.

У митр. Филарета практическая почва была первым предметом его внимания, и нравоучительный элемент был тем жизненным нервом, которым сильна была его проповедь, и который придавал ей значение у современников и потомства⁶³. Это объясняется практическим складом ума нашего проповедника. Филарет не был человеком теории и отвлеченного мышления, и христианство не теоретическою частью главным образом занимало его, а практическою нравственною. Поэтому и естественно было ему трактовать в своих поучениях больше о христианском нравоучении, чем о вере. К тому же не мало побуждало нашего проповедника и коренное аскетическое настроение его души. Будучи сам строго воздержанной жизни, он и других стремился сделать прежде всего благочестивыми, боящимися Бога и думающими о царстве небесном, и это горячее и искреннее желание просвечивает во всех проповеднических его трудах, и даже там, где разбираемое место Библии не давало проповеднику прямого повода касаться той или другой практической истины. Не редко приходилось Филарету, по самому требованию текста, разъяснять евангельские повествования об обстоятельствах рождения и крестной смерти Спасителя. Понятно, проповеднику подлежало бы вникнуть здесь прежде всего в соответствующие данному месту Св. Писания догматические положения и раскрыть их более или менее обстоятельно пред своими слушателями. Но что же оказывается на деле? Говоря о рождении Спасителя, вместо изъяснения известного догмата, находящегося в тесной связи с таковым событием, Филарета, старается преподать предстоящим в храме какой-либо нравственный урок. Для достижения этой последней цели, проповедник не упускает из виду самой маловажной черты из указанной истории, коль скоро она давала ему

случай высказать с церковной кафедры такой или иной практический совет. Так, напр., он останавливается на том обстоятельстве, что Пресвятая Матерь Божия рождает Сына Своего Первенца без всякой сторонней помощи, Сама пречистыми Своими руками повивает Его, Сама полагает Его в яслях, и отсюда выводит такого рода нравственное наставление. «Какое убогое, по любо- обильное и многоназидательное рождение Спасителя! Кто из человек рождался когда-либо в такой нищете и бедности! После сего какая гордая душа не смирится, взирая па беспредельное уничижение и смирение Господа Вседержителя, с каковым Он рождается для спасения нашего? Какое каменное сердце не смягчится беспредельным человеколюбием Его?... Как может преступное сердце паше любить что-либо паче Его единого? Как может не возлюбить оно Его всюю силою своею ⁶⁴? И в сей любви как может считать для себя тягостным исполнение заповедей любви Его» ⁶⁵. При раскрытии евангельского сказания о крестной смерти I. Христа, наш проповедник точно также заботится не столько о передаче предстоящим в храме церковного учения об искуплении падшего рода человеческого, как следовало бы ожидать, сколько о том, чтобы преподать им приличное и назидательное нравственное увещание; дело и подвиг, нравственное совершенство и спасение – это первый предмет, который старается проповедник насадить в сердцах своих слушателей? Изложивши всю глубину крестных страданий Спасителя, он склоняет свою речь к тому, что указывает для них в этом повествовании главное и самое сильное побуждение к чистой, праведной и безупречной жизни. «После той беспредельной любви, толь живо и действительно доказанной нам Господом и Спасителем нашим, какое каменное сердце откажет Ему во взаимной любви своей! Другой и большей жертвы Он от нас не требует. Потому что для блаженства нашего довольно одного верного и постоянного исполнения заповедей Его, как Он Сам говорит: любяй Мя заповеди Моя соблюдет, и заповеди Моя для любящих Мя тяжки не суть. Утвердим сердца наши в истинной любви к Богу и Спасителю нашему. Он, будучи распят, висит всегда пред очами нашими на тот конец, чтобы мы, взирая на Него, носили Его всегда в сердце своем. И какое можем мы принести извинение в том, что находясь при живом источнике благодати, оставляем умирать души наши от глада и жажды духовной? Ибо что значат все удовольствия мира сего и все услаждения плоти, как не смертная отравы? Когда Спаситель наш, только возлюбивший нас, явится во славе Своей и с светоносными язвами Своими; в то время с каким лицом предстанем мы судилищу Его, если не поспешим, пока время есть,

воспользоваться милосердием Его? В то время один упрек любви Его за неблагодарность нашу не составить ли для наст. мучения и самой геенны тяжчайшего? Итак, лобызая ныне живоносные язвы Господа своего Спасителя и Избавителя, поклянемся Ему всем сердцем в том, чтобы любить Его; любить друг друга, приемлюще и прощающе себе, яко же и Он благодатью Своею простил есть нам»⁶⁶.

Указывая на нравственное содержание проповеди митр. Филарета, как на главное, мы этим отнюдь не утверждаем, что его проповеди были совершенно лишены теоретической части христианского богословия. В чтении евангельских, из которых заимствовал существенное содержание своего проповедного слова святитель, встречаются исторические повествования о тех или других событиях из земной жизни Спасителя, которые каждого невольно вызывают на размышление об Его высоком посланничестве. Изъясняя евангелие, наш проповедник не мог безусловно уклоняться от его прямого смысла. Поэтому-то на ряду с практическими наставлениями встречаются в проповедях Филарета и догматические рассуждения; но все эти рассуждения нельзя не назвать слабыми; о предметах веры старается он говорить кратко, особенно сосредоточиваясь на истинах христианской нравственности. Так, в беседе на 8-ю гл. евангелия от Матфея, сказавши как бы мимоходом о чуде, совершенном И. Христом над двумя бесноватыми и расслабленным, Филарет спешит вывести отсюда подходящее в данном случае нравственное назидание. «Мы, братие, говорит он, верующие в Господа и Бога нашего Иисуса Христа, не будем останавливаться на одном хладном и бесплодном удивлении чудесам Его, свойственным тогдашним Иудеям, но извлечем из всего наставление для душ наших. Расслабленный, не могший сам собою двигаться с места, но лежавший на одре полумертвым, есть точное изображение души грешника, который хотя имеет жизнь плотскую, по для жизни духовной, для истинного благочестия, для добродетели и святости, свойственных христианину, не имеет ни сил, ни бодрости. Смертоносная сила страстей и грехов подавляет в нем семя истинной жизни, всеянное в сердце его благодатью Святого Духа в купели крещения. Подобно расслабленному, он лежит на одре беспечности о своем спасении, и бывает тем еще несчастнее, что часто не чувствует опасности низвергнуться в бездну вечной, духовной смерти. Расслабленный, конечно, с одра болезненного переселился бы во гроб, прося в душе своей смерть духовную, если бы промысл Отца небесного не послал ему на помощь четырех сострадательных людей, которые принесли его к милосердому Врачу душ и телес наших, Господу Иисусу. Равным образом

беспредельное милосердие Божие печется и о спасении всякого грешника, не хотя да кто погибнет, по да вси в покаяние приидут (2Петр. 3: 9). Для обращения грешников Господь иногда посылает служителей слова Божия, иногда посещает бедами и болезнями телесными, и другие бесчисленные подаст средства, единой премудрости Его известные. И счастлив тот грешник, который, обратившись, прибегнет с верою к Господу Иисусу в молитве покаяния, и приидет в умиление и сокрушение о грехах своих, подобно расслабленному! Всемогущий и всеблагий Врач душ и телес тотчас произнесет к нему милосердый глас Спой: дерзай, чадо, отпускаются ти греси твои. Востани спяй, и воскресни от мертвых (Еф. 5: 14). Расслабленный, в доказательство отпущения грехов и исцеления души и тела своего, по глаголу Господа, тотчас встал, взял свой одр, и возвратился в дом свой То же самое совершается и в душе грешника, после истинного его покаяния. Несомнительный знак отпущения грехов его есть тот, когда он действительно ощущает в душе своей перемену, и из состояния слабости духовной переходит в состояние силы и крепости ходить непреткновенно путем заповедей Евангельских; когда душа его, дотоле обладаемая плотью, и поработаемая страстями, с помощью благодати Божией, побеждает страсти и господствует над плотью; когда он, из состояния рассеянности по суетам мира сего, возвращается во внутренность сердца своего, и всячески блюдет оное от прежних греховных скверн, дабы оно было чистым и святым храмом Господу Иисусу.

Тщательно примечайте, братие, сии признаки истинного покаяния, когда вы приносите его Богу, при свидетельстве и содействии служителей Его. Если после покаяния не обращаемся мы к прежней рассеянности сердец наших, то мы истинно покаялись. Но если и после покаяния мы остаемся такими же, какими были прежде, то это верный знак, что мы еще никогда истинно не каялись, еще лежим на одре беспечности о спасении душ наших»⁶⁷. Перед тем, как переходить к более подробному изложению содержания проповедей митр. Филарета, обитаем необходимым сказать несколько слов о характере его морали.

Имея в виду строго-монашескую жизнь митр. Филарета, очень возможно было бы ожидать полного аскетизма и от его церковных бесед; между тем, таковое ожидание на деле не оправдывается. Правда, коренное настроение мысли и жизни Филарета не могло не отразиться хотя отчасти и в его проповедях. Суровый аскет, душа которого была переполнена образами горняго мира, глубоко чувствовал суетность земной жизни, и это чувство выразилось в его произведениях в очень разнообразных формах;

порой он является обличителем мирской суеты, порой выражает свое сочувствие к тем лучшим единицам, которые страдают в душной атмосфере житейских треволнений, порой сам стремится вон из действительности в мир горний; в таком случае и требования, предъявляемые им к слушателям, отличаются суровостью. «Что такое все сокровища земные, как не пища тления? Что такое все забавы и усаждения мира, как не семя скорби и горести? Душа человека так создана, что ни в чем никогда не найдет прочного мира и радости, кроме единого Бога. Для чего же унижать ее пресмыканием по земле, когда даже и тело наше имеет то преимущество пред всеми животными, что лице его обращено к небу»?⁶⁸. Таково, можно сказать, было принципиальное убеждение митр. Филарета. Но великий подвижник знал, что нельзя на простых людей возлагать такого бремени, которого они не могли снести, а потому абсолютные требования нравственности у него довольно редки. Гораздо чаще он предлагал своим слушателям такую мораль, которая доступна вполне для каждого христианина. Чтобы исполнить увещания и наставления, какие он преподавал в своей проповеди, слушателю не было никакой нужды оставлять или переменять положение, занимаемое им в обществе. Да и сам Филарет не раз высказывает подобную мысль и нередко старается показать предстоящим в храме, что проповедуемая им нравственность не требует с их стороны каких-либо особых подвигов и отнюдь не понуждает их прерывать связь с окружающим миром для служения Господу⁶⁹. Он допускает умеренные попечения о земном, не требует и того, чтобы умерщвлены были естественные потребности плотской человеческой природы. Проповедник стремится показать только, к каким губительным последствиям приводит человека исключительная привязанность его к земле, или, как называемый, животный эгоизм, изгоняющий из жизни все трогательное, этическое, самоотверженное и возвышенное ради всего осязательного, питательного и лакомого. Он не только не приносит с собой в жизнь человечества столь желанного и искомого им счастья, а, напротив, увеличивает и усиливает муки человека и страдания, поводя последние нередко до высшей степени напряжения. Разочарованием и духовным самоубийством – у одних, завистью и убийством у других – вот чем, по мнению Филарета, обыкновенно закапчивается господство животного эгоизма или чрезмерной привязанности к земным благам в жизни человечества ⁷⁰.

Изложение содержания проповедей митрополита Филарета.

Так как проповедь митр. Филарета направления более нравственного, чем догматического, то вполне естественным кажется нам прежде всего остановиться на нравственном ее содержании.

Все многообразные обязанности христианина могут быть подведены под следующие три главные категории: обязанности его к Богу, к самому себе и ближнему. Наш проповедник трактует о всех этих обязанностях и добродетелях христианских.

Первая и самая важная обязанность человека к Богу состоит в том, чтобы правильно почитать Его. Богочтение же разделяется на богочтение внутреннее, к которому относятся вера, надежда и любовь, и на богочтение внешнее, каковы молитва и общественное богослужение. Говоря о вере, Филарет решает следующие вопросы. Нужна ли: нам вера? Какова она должна быть? Каковы сила и плоды ее? Необходимость веры для христианина доказывается у него тем во-первых, что ею только постигаются все тайны царствия Божия. «Как без глаз нельзя видеть предметов, подлежащих внешним нашим чувствам, так точно без веры, которую весьма справедливо называет Св. Иоанн Златоуст оком возрожденной души, невозможно видеть невидимых тайн религии»⁷¹ Не менее важна и необходима вера для нас, по учению Филарета, как существенное основание нравственности. Вера без дел мертва, но мертвы и дела без веры, ибо она только, а не что-либо другое, составляет источник всего того, что истинно, что честно, что справедливо, чисто и любезно, что составляет только добродетель и похвалу. И это вполне понятно, так как жизнь и слова И. Христа в мире духовном, нравственном суть то же, что солнце в мире стихийном. Пусть перестанет светить солнце, что будет тогда? Глубокая и непроницаемая тьма покроет всю землю, и ни одно животное, ни одно растение не может уже наслаждаться жизнью. Так точно, когда в душе христианина нет искры веры, когда не светит в нем Солнце правды – Иисус Христос, что остается для него? Тьма греховная и смерть⁷². Важное значение веры для нравственной жизни обуславливает Филарет, главным образом, тем, что через нее подается нам благодать, благодаря которой из грешных делаемся мы праведными, из сынов погибели – сынами Божиими и сонаследниками Христу всех благ вечного царства⁷³. Не одна впрочем благодать подается человеку чрез веру. Следуя христианскому воззрению, наш проповедник меру изливания на нас всех

вообще даров Божиих и благословений земных поставляет в прямую зависимость от силы нашей веры. «Всякое даяние благо и всяк дар совершен свыше, сходяй от Отца светов», получают нами единственно в силу веры. Однако и сильная вера не всегда бывает плодотворною. Чтобы приносить достойные плоды, она должна отличаться глубиной и искренностью. Филарет убеждает слушателей верить слову Божию в простоте сердца и верою своею стойко побеждать всевозможные бедствия, несчастия, болезни, соблазны мира и даже самые гонения от врагов⁷⁴. Далее научает он с верою соединять глубокую и преданную любовь к Господу, тщательное исполнение заповедей евангелия и добрые дела⁷⁵. Вот в общем мысли нашего проповедника о вере, какие встречаются в разных местах его церковных бесед.

Обязанности внутреннего богопочтения со стороны нашего чувства и воли соединяются в христианской надежде и любви. О первой Филарет говорит очень редко, а чаще поднимает слово о любви. Любовь к Богу имеет различные обнаружения и проявления, имеет разные виды. Получаемые нами благодеяния от Бога, естественно, побуждают нас быть благодарными к такому Благодетелю. Поэтому первую обязанность любящих Бога наш проповедник полагает в благодарности к Нему. Благодарность же должна обнаруживаться, по его учению, в достойном служении Господу, т. е. в последовании воли человеческой, как сотворенной и зависимой, воле Божией. «В сердце твоём, замечает он в слове на память преподобного Антония, ничто не должно иметь места, что противно и оскорбительно любимому тобою Господу Богу; ты должен иметь единое желание того, что угодно Господу твоему. Ты должен всегда и везде то единое делать, что заповедует тебе Господь Бог твой. Из любви к Богу, ты должен паче всего мыслить о том, чтобы лучше и более благоугождать Ему⁷⁶. Любовь к Творцу требует со стороны человека не только послушания Его воле, но и исповедничества Его пред людьми. Любящий Бога всегда готов ради Него пожертвовать всем своим имуществом и даже самую жизнь. Этот великий подвиг исповедничества Филарет приписывает преимущественно Апостолам, которым надлежало распространить евангелие царствия Божия иудеям и язычникам, между тем как те и другие воздвигали на них гонения и преследовали их, нередко доводя до мученической смерти. Хотя в настоящее время открытых враждебных отношений к церкви не может быть, но, тем не менее, каждому христианину проповедник вменяет в непременную обязанность исповедовать свою веру без страха и боязни, коль скоро представится к тому надобность⁷⁷.

Изложив кратко учение Филарета о внутреннем богопочтении, перейдем теперь к обозрению обязанностей, входящих в богопочтение внешнее, каких касается проповедник в своем церковном слове.

Более всего и чаще всего он сосредоточивает внимание на молитве домашней и общественной. Это вполне объясняется личную настроенностью проповедника, для которого молитвенный подвиг обратился в необходимую потребность, поддерживающую его физические и нравственные силы. «Встанешь поутру, рассказывал сам Филарет, и чрез силу двинешься, но возьмешься за молитву и оживешь, станешь бодрее и сильнее. Прежде, продолжал святитель, вставал я в четыре часа, потом в три, потом в два, а теперь встаю уже в час и ранее. Шесть часов моего утра (т. е. часы, проводимые в молитве келейной и потом на литургии) так отрадны мне, что я не променяю их ни на какое царство»⁷⁸. Эти же самые мысли, в виде дружеских советов, высказывал Филарет и братии Киево-Печерского монастыря. «Не понимаю, говорил он, как старики вообще, а особенно монахи, проводят жизнь свою, если не приобрели навыка и вкуса к молитве. Это должно быть для них ужасно тяжело и скучно... Поэтому необходимо заранее всем, желающим в старости проводить жизнь не безотраднo, привыкать к молитве»⁷⁹. Не мудрено поэтому, что та же самая тема – о необходимости молитвы чаще и настойчивее других проводится в проповедях митр. Филарета.

Как же доказывает нам проповедник необходимость молитвы? Помимо примера Спасителя, пред наступлением крестных страданий оросившего молитвенными слезами землю, и кроме примера Святых Отцов, проводивших ночи в молитвенных подвигах⁸⁰, необходимость молитвы проповедник основывает главным образом на высоком и важном ее значении для нравственного усовершенствования христианина. Он поставляет молитву в самую близкую и непосредственную связь с нравственностью и полагает в ней одно из прочных начал праведной и безупречной жизни, признавая ее матерью всех христианских добродетелей, без которой нельзя совершить ни одного благого дела. Разумеется, без веры и строгого выполнения нравственных правил спасение наше невозможно. Без молитвы же нельзя иметь ни истинной веры, ни истинных добродетелей, так как то и другое суть дары благодати Божией, а дары эти ниспосылаются только просящим их⁸¹. Если такова сила молитвы, то, спрашивается, почему же она не исполняется иногда и остается без действия? Не есть ли сильная и действенная молитва особенный дар благодати, предоставленный для некоторых избранников Божиих? Все подобные вопросы неизбежно рождались в голове Филарета,

и он дает на них известные объяснения.

Недействительность молитвы тех или других христиан объясняет он тем, что молятся они не так, как бы следовало, и требует, чтобы молитва наша была искренняя и чистосердечная, чтобы возносилась всегда с теплою верою и глубоким смирением. Коль скоро указанные условия нарушаются, или же не в должной степени и мере соблюдаются, то легко может она остаться без всяких желаемых последствий. Но это еще не все. И при точном выполнении их нельзя еще надеяться на получение просимых благ. Молитвы могут быть бездейственны не только потому, что они не бывают прилежны и неотступны, но и потому еще, что «они не чисты и злы», что просим вредного для души своей. Благоуспешность их обуславливает проповедник как должною настроенностью просящего субъекта, так равно и подобающим содержанием просимого объекта. Что же может быть просимым объектом, чтобы просьба наша не была напрасною? Предметом ее, по указанию Филарета, должны быть прежде всего блага духовные и вечные, а потом уже и временные. Лучший же образец всех истинных прошений полагает он в краткой, но преисполненной силы, молитве Господней, в которой содержатся они, как в своем корне или семени⁸².

Согласно с заповедью Спасителя, молитвы могут быть произносимы или в уединенных, недоступных постороннему взору местах, или же в общих собраниях верующих. Местом совершения общественной молитвы служит храм. Проповедник касается в своих беседах важного значения храма и того, как должно пользоваться им. Храм есть святилище поклонения духовного. Здесь в присутствии Бога – Царя, Отца светов, мы свидетельствуем свое ничтожество и бедность, – свидетельствуем то, что недостойны даже воззреть на величество силы Его, и вместе с тем приносим Ему наши моления, обеты, прошения и благодарения и изливаем различные сердечные свои скорби. При всем этом, храм служит местом общения любви и мира, потому что святые песни и славословия составляют в нем как бы пир-торжество веры и любви. В видах столь важного значения храма, Филарет убеждает слушателей посещать его как можно чаще, если только не каждый день, и предстоять в нем с глубоким благоговением⁸³.

«Святейший взор Спасителя, учит он, не мог снести того злочестия иудеев, но которому они дом славословия Богу и молитвы обратили в дом купли: не ясно ли мы видим из сего, с каким благоговением должны мы обращаться в храме Божиим, который как в ветхом, так наиболее в новом завете, есть дом молитвы? Не заслуживаем ли и мы всего гнева Божия,

когда в дом молитвы входим не с духом молитвенным, всецело обращенным к Богу всесвятому, но с духом рассеянным по нечистым предметам мира сего, когда, стоя при совершении святых, небесных, страшных тайн Христовых, не возносим сердец наших горе, к святейшему престолу Божию, но применяемся к низким, земным предметам страстей наших? Что сказать о тех, которые не только не имеют внутреннего, всецелого благоговения к Богу, но и наружного приличия, подобающего святости храма Божия не сохраняют»⁸⁴.

Этим мы и оканчиваем изложение проповедного учения Филарета об обязанностях христианина, вытекающих из любви к Богу. Что же касается обязанностей его к самому себе, то первый и главный предмет заботливости проповедник полагает в том, что требуется для духовного нашего совершенства. Все высшее в человеке заключается в его душе. В духовной природе его запечатлен образ Божий. Потому-то и должен человек прежде всего позаботиться об ее развитии. Предлагая подходящие в данном случае различные наставления и увещания, проповедник сосредоточивает мысль слушателей преимущественно на одном из самых существенных требований христианской веры, именно – на требовании чистоты сердца. Многими примерами из окружающего мира и фактами библейской истории, а также учением евангелия и святых отцов старается он выяснить им ту неопровержимую истину, что, как бы ни была прекрасна и благовидна наружная сторона нашей жизни, как бы ни были справедливы и законны все наши дела и отношения к другим, как бы ни были важны и общепользны наши заслуги пред обществом, но без внутренней чистоты сердца и совести, без живой и истинной любви к добру, они жалки и ничтожны и не имеют никакой цены пред судом Божиим. Привыкшему к чувственным удовольствиям, к беспечности и рассеянности такое требование может показаться чрезмерно строгим и суровым. Поэтому Филарет просит судить о нем не под влиянием страстей и слабостей, а в состоянии духа более или менее спокойном, при свете здравого рассудка и евангельского учения. Оно ясно преподано нам Самим Спасителем: «Блаженнии чистии сердцем, яко тии Бога узрят», говорит Он в Своей нагорной проповеди. Чистота сердца безусловно необходима, для созерцания Господа, подобно как для узрения лица своего в зеркале нужно, чтобы зеркало было чисто»⁸⁵. «В таковой чистоте, рассуждает наш проповедник, первый человек в состоянии невинности созерцал Бога в себе самом, доколе он верным соблюдением заповедей Господа своего сохранял драгоценнейший залог образа Божия в правде и святости. Но самовольное уклонение от внимания спасительным глаголам Творца

своего к пагубным внушениям сатаны- обольстителя осквернило его сердце и лишило его, а с ним и нас всех чистого орудия Богозрения. Дух злобы успел в самом корне – сердце всего человеческого рода, вместо Божия светоносного образа истины, чистоты и святости, впечатлеть свой темный образ лжи, беззакония и нечистоты»⁸⁶.

Все разнообразные проявления заботливости человека о развитии своих душевных свойств или качеств возможны только под условием правильного самопознания. Углубляясь внутрь себя, мы замечаем, что есть в нас истинного и что ложного, что должно искоренить и что, напротив, возвысить. Правильное же самопознание приобретает, по словам Филарета, «точию приседящими кресту Иисуса»⁸⁷. Вследствие самолюбия и гордости очень часто вовсе не сознаем мы нравственных своих недостатков. «Единый крест открывает всю бездну растления естества нашего, для обновления коего надлежало страдать и умереть воплотившемуся Богу... Единый крест, сокрушая и смиряя сердце наше, научает нас истинно познавать свое естество и дарует духу нашему очи веры, во еже зрети в распятом Иисусе Христе обожение природы нашей»⁸⁸.

Из обязанностей человека к ближнему особенное внимание обращает Филарет на главнейшую из них – любовь, которую он противопоставляет эгоизму. Тогда как любовь, по Филарету, служит соединяющим звеном между людьми, в эгоизме между своим я и другими существами утверждается безусловная противоположность и непроходимая бездна. Я все для себя и должен быть всем для других; но другие сами по себе – ничто и делаются чем-либо лишь как средство для меня; моя жизнь и благополучие есть абсолютная цель, жизнь и благополучие других допускаются только, как орудие для осуществления моей цели, как необходимая среда для моей деятельности. Хотя такая точка зрения редко высказывается во всей полноте, несомненно однако, что она с теми или другими ограничениями лежит в основе нашей природной жизни. Безусловных эгоистов мало: большинство людей кого-нибудь да жалеет, в ком-нибудь да видит себе подобного; но, ограниченный в известной сфере (обыкновенно весьма узкой), эгоизм со всею силою проявляется в других, более широких. Противопоставляя взглядам эгоистов истинное и незыблемое начало общественной и благоустроенной жизни – любовь христианскую, Филарет выставляет на вид все отличительные ее свойства. И прежде всего останавливает внимание слушателей на том существенном признаке евангельской любви, что она вполне чужда всякого своекорыстия и простирается на всех без исключения людей и даже врагов. Она не

ограничивается родными, друзьями и знакомыми: такая любовь именуется проповедником тонким самолюбием, свойственным только грешникам, мытарям и фарисеям. По христианскому воззрению, любовь к ближнему должна быть настолько глубока и чиста, чтобы личная жизнь других становилась как бы нашим достоянием, чтобы счастье их было так же приятно и отрадно для нас, как наше собственное, чтобы в сердце и совести нашей совсем не имели места ни зависть, ни вражда, ни ненависть, ни мщение ни к кому из людей, хотя бы был он и отъявленный враг наш. Желая нагляднее представить слушателям всю силу столь высокого основания наших взаимных жизненных отношений, Филарет упоминает нескольких библейских лиц, всецело проникнутых чувством живой любви, заповеданной Спасителем и указывает между прочим на Ап. Павла, который молил Господа отлучить сто от наследия благ небесных, только бы иудеи, постоянные его гонители, уверовали во Христа ⁸⁹.

Проповедуя любовь к ближнему вообще, Филарет дает место в своих церковных беседах и учению о различных ее видах, как-то – о взаимном мире и согласии, прощении обид⁹⁰ и в особенности о милосердии⁹¹. По разнообразию своих обнаружений, добродетель эта служила предметом очень многих церковных слов м. Филарета; она как нельзя более отвечала доброй и сострадательной его душе, и потому неоднократно вызывала его на размышление о себе, которое спешила, он сообщит и другим для их назидания и пользы. Говорит он, между прочим, о легкости исполнении заповеди Спасителя быть милосердным, и тех условиях, при соблюдении которых остается она истинно-христианскою добродетелью и сохраняет свою нравственную силу и значение⁹².

Обозревая обязанности человека положительного характера, Филарет не проходит молчанием и отрицательной стороны христианского нравоучения и по временам, как отец, любящий детей своих, старается предохранить предстоящих в храме Божиим от тех или других страстей. Впрочем, он не рассматривает их во всей полноте и подробности, а касается лишь самых главных и существенных, в которых, как бы в зародыше своем, таятся многие другие пороки; таковы, напр., сладострастие⁹³, любостяжание⁹⁴ и гордость⁹⁵. При рассуждении о какой-либо порочной склонности, проповедник наш обыкновенно раскрывает причины ее развития в нас и все те губительные последствия, какими всегда сопровождается она.

Когда м. Филарет обращает слово свое к средствам, могущим облегчить исполнение христианских обязанностей, то в большинстве случаев указывает он на пост и молитву. О молитве мы уже говорили,

раскроем теперь истинный смысл и характер поста, как он представляется в проповедях м. Филарета.

Посты нам проповедник представляет не только временем воздержания, но и временем особенного духовного бодрствования. Они являются как бы оплотом, поставленным на пути жизни христиан; за это то оплот церковь и приглашает своих чад для большого сосредоточения духовных сил, для защиты от соблазнов и развлечений мира, а главное от нападений врага нашего спасения. Потому не к одному внешнему воздержанию от пищи призывает свою паству м. Филарет в проповедях на дни поста, а более к усиленному бодрствованию над своею душой, к исправлению своего сердца и к трудам по снисканию добродетели. Строгий аскет, бдительно следивший за всеми греховными движениями «ветхого человека», любил представлять жизнь постоянною борьбой, и мысль о враге нашего спасения не оставляет его ни на минуту, когда он говорит о подвиге, указанном человеку его назначением. Бдительность и духовное мужество – главные свойства, под которыми он изображает долг человека, призванного в Церковь Христову. Эти качества необходимы нам против нападений врага спасения. В обычное время, при отсутствии внешних напоминаний, легко предаться беспечности и забыть о необходимости заботливо охранять достояние души нашей. Чтобы пробудить от этой беспечности или не допустить до нее, Церковь во внушению свыше установила дни поста, в которые, ограничивая меру наших наслаждений, зовет нас тем к сосредоточению и напоминает нам об опасности и нашем долге. В соответствии этому намерению Церкви, христианин во дни поста должен напрягать все силы своей души, чтобы облегчить и очистить себя от тяжести и скверны греха и поставить на безопасной высоте по отношению к соблазнам мира и нападениям врага. Нравственное напряжение и духовное бодрствование тем более нужны в это время, что враг наш, замечая нашу осмотрительность, с своей стороны употребляет все усилия к тому, чтобы усыпить нашу бдительность.

При общей духовной бдительности, требуемой от каждого Церковью во время поста, нужно ли еще внешнее воздержание, и такое может иметь оно значение? Доказывая необходимость поста, в смысле воздержания «от брашен и тому подобных вещей», Филарет приводит простое и общедоступное, а вместе с тем привлекательное сравнение, уподобляя пост и молитву крыльям, на которых души наши возносятся от земли в мир высший к Богу. «Как птица не может без крыл подняться на воздух, так и душа наша без молитвы не может перейти из жизни плотской, земной, греховной в жизнь духовную, небесную, святую. Но одного крыла

птице мало для свободного летания, так равно и молитва без поста не достаточна христианину для жизни по духу евангелия»⁹⁶. Раскрывая это общее положение, Филарет указывает на то, что закон воздержания, ограничивая нашу волю, учит нас подчинять свою свободу и деятельность высшим распоряжениям Божественной воли и обуздывать вожделения плоти.

Между немногими наставлениями Филарета с частным характером останавливают на себе наше внимание замечания, какие дает он учащейся молодежи и духовному сословию. Обращая слово свое к учащемуся юношеству, проповедник убеждает его заботиться о приобретении нужных и полезных знаний и более еще – о религиозно-нравственном своем развитии. «Храните, дети, паче всего невинность детскую, говорит он в слове, произнесенном по освящении храма в Киевском кадетском корпусе, будьте добры, богобоязненны, кротки, послушны; будьте прилежны, трудолюбивы, любите учение, но паче всего преуспевайте в страхе Божиим и благочестии. Блюдайте, как зеницу ока, чистоту ума вашего и чистоту тела. Чистоту ума – утверждением его в святых истинах веры православной, подчинением его закону Божию, покорением его Христову евангелию. Чистоту сердца – ревностным исполнением заповедей Божиих, жизнью добродетельною. Чистоту тела – поведением целомудренным, девственным, удалением себя от всякой нечистоты и скверны плотской»⁹⁷.

Сословие пастырей, которых прямой долг готовить других к достойному наследию будущих вечных благ, было предметом всегдашней неусыпной заботливости Филарета. Он, близко принимал к сердцу все нужды, недостатки и обязанности подведомого ему духовенства и по мере сил старался возвысить и пробудить его от усыпления. В этом случае Филарет не довольствовался своими официальными распоряжениями и частными замечаниями; он делал иногда нарочитые обращения к пастырям с церковной кафедры. Проповедник то настойчиво требует, то просит и умоляет пастырей Церкви «с ревностью поучать стадо Христово разумению слова Божия», утверждать духовно-слабых, поддерживать нравственно – падающих, «с кротостью и долготерпением обличать противящихся евангельской истине», а главное – подавать собою пасомым пример благочестивой и добродетельной жизни и вообще быть истинными служителями слова примирения человека с Богом»⁹⁸.

Такова нравоучительная сторона проповеди м. Филарета. Догматическая ее часть гораздо слабее. К теоретическим истинам проповедник направляет свою мысль частью по требованию изъясняемого им библейского текста, частью же вследствие собственного желания

обосновать нравственные свои воззрения на христианском вероучении. Кроме учения о домостроительстве нашего спасения – учения, которое в догматике христианской составляет пункт, ближайшим образом соприкасающийся с нравственным богословием, – м. Филарет касается в проповеди и некоторых других догматических положений, находящихся в тесной и неразрывной связи с нравственною областью, исходной точкой которых служит у него грехопадение первых людей⁹⁹.

Бог создал человека по образу Своему и по подобию и тем вложил в него неискоренимую потребность к единению с Собой. Как же может человек осуществить это единение с Богом, составляющее самую сущность религии? Очевидно, это возможно только под условием полного и совершенно свободного со стороны людей повиновения нравственному закону, которого Бог является вечным представителем и защитником. Но уже первый человек не выполнил этого условия. Он нарушил закон Божий; сам стал виновным и нравственно-запятнанным, а чрез него и весь род человеческий, на который преемственно распространился яд греха и заблуждений, воспринятый первоначально лишь прародителями. И чем дальше следим мы по истории за нравственным развитием дохристианского человечества, тем больше замечаем усиление этой наследственной нравственной испорченности, разрастающейся до того, что, к сожалению, приходится сказать: нет ни одного греха, зародыш которого не лежал бы в человеке. При таком моральном положении человечества, Бог, как охранитель нравственного закона и нелицеприятный судия нарушителей его, удалился от человека. Чрез зло человека между небом и землею водрузилось средостение, ибо «кое причастие правде ко беззаконию, или кое общение свету ко тьме? При этом сила греха и заблуждений, которой, по испорченности своей природы, был подвержен весь дохристианский мир, была столь велика, что, предоставленное одним собственным силам, человечество должно было отказаться от всякой надежды на нравственное совершенство, а вместе с тем и на сыновнее единение с Богом, как возможное только под условием этого совершенства. Уделом его, как показывает история нравственного состояния всех языческих народов, была бездна греха и тина беззаконий. Распущенность нравов, всеобщий разврат царили во всей силе. Неправда, лукавство, лихоимание, злоба, зависть, лесть, убийство – были отличительными чертами нравов каждого из ветхозаветных народов. Но при всей глубине своего падения, человечество никогда не доходило до состояния нравственного безразличия; органы нравственного самосознания – совесть и разум как бы ни были затемнены и ослаблены,

всегда однако ж оказывались достаточными для того, чтобы привести род человеческий к сознанию ненормальности своего греховного состояния и необходимости выйти из него. Под влиянием их требований человечество, не надеясь само достигнуть примирения с оскорбленной правдой Божией, взывало о посреднике между собой и Богом. Оно желало познать, желало видеть Бога. И это дано было людям чрез И. Христа, Который есть Еммануил – Бог с нами! По Своему бесконечному милосердию Он ответил на вопль звавшего Его человечества. Он пришел к нему кротким и смиренным под трогательным видом «человека скорби». В неизреченной тайне личности Христа Бог и человек соединяются неслиянно, и это живое единение столь совершенно, что уже не стало пропасти, которая разделяла их. Таковым является Иисус Христос и в Своей смерти, в которой приносить Себя в умилоствление за спасение всего мира, Он, не сотворивший греха и не запятнавший Своих уст лестью, – невинная жертва, в отношении к которой все прежние жертвы были только символами, предзнаменованием и прообразом, Он – истинно великий иерей человечества, распростерший руки Свои на кресте, как бы желая одной рукой объять Бога, а другой взять человека, чтобы привлечь и воссоединить Того и других в Своем сердце¹⁰⁰.

В силу крестных заслуг Спасителя, открыт для всех свободный вход в царство небесное, множество благодатных средств предлагается падшему человеку высшею небесною силой для облегчения пути спасения и для победы над врагами, уклоняющими его на путь погибельный. Поддерживаемый действием благодати Божией, обновленный и воссозданный человек должен безбоязненно и с надеждою выступать на подвиг собственного нравственного возвышения. И он становится особенно виновным и подвергнется строгой ответственности в день всеобщего страшного суда, если продолжает беспечно коснеть во грехе. Не раз напоминал проповедник своим слушателям о будущем мздовоздаянии за подвиги их жизни со стороны высшего правосудия, не раз обращал он взоры пасомых к тем последним дням, когда каждый из них пожнет то, что посеял в жизни ¹⁰¹. «Сеяй в плоть от плоти пожнет нетление, говорит Филарет в проповеди на память преподобного Антония, т. е. кто дни и ночи о том только и думает, как упитать свое чрево и украсить свое тело, как веселее проводить время, как удовлетворить своему тщеславию и любостыжанию, тот пожнет одно тление. А сеяй в духе от духа пожнет живот вечный, т. е. кто все старания прилагает о спасении души своей от рабства греху, о насаждении в сердце своем сватий веры и благочестия, тот получит от Господа нетленное и неотъемлемое сокровище жизни вечной»

Вот сущность тех догматических начал, раскрываемых и. Филаретом с церковной кафедры, которые служат главной опорой нравственных его тенденций.

Из сказанного нами о нем, как учителе веры, видно, что он в этом отношении не был замечательным проповедником. Скудость оригинальных взглядов в рассмотрении христианского вероучения объясняется у м. Филарета складом его ума более практического, чем теоретического... Он не создал и не мог создать своей собственной догматической системы, как это сделал его современник – Филарет Московский, и вообще, догматический элемент в проповедях Филарета Киевского должно признать значительно более слабым по сравнению с нравственным элементом его церковного учительства.

Форма проповедей Филарета Амфитеатрова.

Мы проанализировали содержание проповедей м. Филарета, указали те предметы, на которых преимущественно любил останавливаться наш проповедник. Но в проповеди точно так же, как и во всяком другом литературном произведении, кроме содержания, не маловажное значение имеет форма, т. е. то или иное изложение содержания произведения. Церковному оратору, желающему повлиять на ум и сердце своих слушателей, необходимо соблюдать некоторые условия при изложении избранного им предмета, так как проповеди, одинаковые по предмету содержания, но различные по форме, производят не одинаковое впечатление на слушателей. Тут много значит и метод раскрытия предмета, и способы доказательств, и план, и даже самый стиль проповеди. Вследствие такого или иного изложения проповеди, такой или иной ее формы, слово церковного оратора может быть весьма понятным и убедительным, или же вовсе непонятным и не убедительным для слушателей. Между тем в гомилетических исследованиях очень мало внимания обращают на форму проповеди того или другого проповедника, а ограничиваются одним лишь анализом содержания поучений. Мы сначала охарактеризуем внутреннюю сторону проповедей Филарета Амфитеатрова, т. е. метод и приемы раскрытия им духовных предметов тон его проповедей, а затем – их внешнюю сторону, т. е. скажем об их построении, языке и слоге.

Внутренняя сторона проповедей Филарета Амфитеатрова. Метод или приемы раскрытия им предмета проповеди. Тон проповеди.

При исследовании формы проповедей того или другого церковного оратора прежде всего необходимо обращать внимание на метод или приемы раскрытия излагаемой им истины, т. е. показать, на какие стороны предмета любил обращать внимание проповедник, и какие способы он употреблял для того, чтобы привести своих слушателей к сознанию необходимости делать добро и избегать зла. Метод м. Филарета при раскрытии содержания предметов самый естественный и наиболее полезный в церковном слове. Святитель в одно и то же время и учит, и убеждает, и наставляет. При изложении христианского нравоучения наш проповедник употребляет следующие приемы. Он часто раскрывает какую-нибудь истину сначала отрицательным путем, а потом положительным. Так, располагая слушателей к благочестивой жизни, проповедник не только старается уяснить важность той или другой добродетели, но и указать тяжесть противоположного ей греха, не только показывает пользу первой, но и обнаруживает перед слушателями весь вред для человека второго. Благодаря этому в душе слушателя слагается дилемма: или усовершенствование в добре и соединенное с ним блаженство, или коснение во зле и соединенное с этим вечное мучение ¹⁰³.

Но там, где высота добродетели и ее польза для людей, по мнению проповедника, очевидны, так что не нуждаются в уяснении и раскрытии, Филарет говорит о тех условиях, при которых та или другая добродетель приобретает силу и бывает полезна для человека. Так, считая излишним долго останавливаться на вопросе о важности для человека поста, Филарет старается показать, какими свойствами должен обладать истинный пост, чтобы быть угодным Богу и спасительным для человека ¹⁰⁴. Воздержание от пищи, по словам нашего проповедника, должно сопровождаться «воздержанием ума от суетных мирских помышлений и воздержанием сердца от греховных пожеланий и похотей... Господь не благоволит к воздержанию тела от брашен, когда душа, открытая пред взорами Его, не воздерживается от злых деяний ¹⁰⁵. Желая отклонить слушателей от какого-нибудь порока, Филарет старается как можно рельефнее изобразить его важность, для чего нередко сравнивает его с другими пороками менее пагубными. Мерилом тяжести греха для проповедника

очень часто служить тяжесть установленного за него Богом наказания. На основании последнего критерия, гордость, напр., по мнению нашего проповедника, является одним из самых величайших пороков, которым подвержены люди. «Гордостью сатана из светлого и блаженного Ангела сделался духом злобы и князем тьмы, и свержен с неба. За гордость прародители паши, потерявши невинность свою, изринуты из рая сладости. Сие змеиное семя и во всяком грешнике произраждает всякое зло» ¹⁰⁶. Так как один и тот же грех бывает не в одинаковой степени вреден для людей различных званий и положений в обществе, а получает большую или меньшую степень безнравственности не только от своего существа, по еще и от тех обстоятельств и условий, в которых находится согрешающее лицо, – поэтому проповедник, изображая вред известного порока или греха, показывает и то, для кого из людей он особенно вреден. Уклонение от пути истины, предосудительное для каждого члена Церкви, особенно губительно, по замечанию проповедника, для тех, которые Самим Богом поставлены во главе христианского общества. «Когда заблудит от пути истины и погрешит тот, который не поставлен на степень учителя, то еще имеет он наставника, который может обратить его. Но ежели сам учитель и проповедник истины, говорит м. Филарет, дойдет до такого (так в подлиннике) степени безумия, что или из боязни гонения от человеков, или из видов своекорыстия станет превращать истину глаголов Божиих, ласкательствуя страстям человеческим, то кто наставит его заблудшего? и к чему он будет годен? Бог отвратит от него лице Свое и возьмет от него дар благодати своей, яко от неверного раба» ¹⁰⁷. Стараясь изобразить вред того или другого порока, Филарет часто обращает внимание слушателей на то, что некоторые грехи имеют свойство отнимать всякую цену у добрых дел. Напр., изображая вред злобы для человека, проповедник доказывает, что «Бог любви и мира не приемлет и приношений в честь Его от тех, которые чем-либо оскорбили ближнего своего и не примирились с ним» ¹⁰⁸. Искреннее желание предостеречь слушателей от того или другого порока, нередко заставляет нашего проповедника впадать в преувеличения относительно тяжести известного греха; это можно видеть из сличения нескольких нравоучительных проповедей. Заходит, напр., речь о сребролюбии ¹⁰⁹, и порок этот в данную минуту выдается за самый пагубный для человека. Но вот обличается другой грех – самолюбие, и проповедник опять таки настаивает, что он самый тяжкий. Склонность человека оправдывать себя при нарушении предписаний нравственного закона побуждает нашего проповедника рассмотреть все те недоумения, отговорки и трудности, которые являлись в качестве возражения против

соблюдения известной добродетели и извинения за склонность к тому или другому пороку ¹¹⁰. Располагая слушателей, таким образом, к совершению добрых дел, предостерегая их от пороков, разоблачая несостоятельность тех извинений и оправданий, какие приводятся в качестве возражений против возможности исполнения той или другой добродетели, Филарет Амфитеатров часто предлагал и средства, при помощи которых можно избегать порога и соблюдать добродетель ¹¹¹. Благодаря такому методу и раскрытию духовных предметов, проповедное слово святителя в большинстве случаев отличается убедительностью.

Но мы были бы крайне односторонни в суждении о внутреннем характере проповедей м. Филарета, если бы не находили в них никаких недостатков. Дело в том, что в раскрытии духовных предметов наш проповедник стоит почти исключительно на почве Священного Писания. Редко-редко можно встретить доказательство, основанное на доводах разума. Не нравились Филарету такие доказательства. В проповеди, положения которой основываются на соображениях рассудка, он, видно, не находил того, чем всегда должно отличаться поучение пастыря от обыкновенного научного трактата или рассуждения, – не находил духа святости. Он старательно избегал этой крайности, но, избегая ее, впадал в противоположную. Отлично зная Св. Писание как ветхого, так и нового завета, имея в своей памяти громадный запас выдержек из священных книг на всевозможные случаи, Филарет на каждое положение находит подходящее место, которое приводится в качестве доказательства. Но редко довольствуется он одним местом, – в большинстве случаев, доказывая известную мысль, он приводит по нескольку текстов. Этого мало. Он любит выразить положения проповеди словами Св. Писания. При такой любви к выдержкам из Библии понятно, что в доказательствах избранного предмета Филарет легко доходит иногда до скрупулезности, занимается мелочами, не имеющими никакого значения. Он не высказывает почти ни одной мысли, как бы проста, ясна и очевидна она ни была, без того, чтобы не подтвердить ее текстом из Свящ. Писания. Такой прием, по нашему мнению, нужно считать слабою стороною проповеди Филарета Амфитеатрова. Гомилетика вовсе не требует исключительного пользования в проповеди словом Божиим. Она отводит законное место и доводам разума, свидетельствам истории, и другим видам доказательств, какие указывает логика. Слушая проповеди Филарета и видя, что он в основание всех своих положений полагает библейские тексты, почти никогда не обращаясь к доводам разума, слушатель, особенно, если он не твердо убежден в истинах православия, невольно может придти к мысли,

что разум – враг религии, и что последняя должна пасть пред его судом. Кроме того, проповедь, переполненная текстами, так сказать, вся склеенная из текстов, представляется слишком монотонной и мало действенной. Живая речь произведет на массу слушателей гораздо больше впечатления, чем речь церковно-славянская. Впрочем к чести м. Филарета надо заметить, что преобладание у него библейских выдержек не доходит до того, чтобы в его проповедях совершенно отвергался всякий другой авторитет, кроме Писания. Оставляя свой личный авторитет в стороне, наш проповедник после авторитета божественных писаний давал место авторитету отеческих творений. Знакомство нашего проповедника с писаниями отцов и учителей Церкви было настолько же обширно, как и знание им олова Божия. Творениями их Филарет пользовался при составлении своих проповедей в самых широких размерах. Не говоря уже о том, что в проповедях догматического характера он постоянно обращается к свидетельствам отцов, желая, таким образом, сильнее подтвердить высказываемые им истины, но и во всех нравоучительных проповедях нет почти ни одной мысли, которая не была бы основана на авторитете писаний отеческих. Особенно часто Филарет делает цитаты из творений Златоуста и Василия Великого, у которых почерпает прекрасные сведения по толкованию Св. Писания. Но при всем обилии приводимых нашим проповедником цитат из святоотеческой письменности, нельзя сказать, чтобы многие из них были лишни; в данном случае м. Филарет не нарушает чувства меры и не переступает надлежащих границ; при том же приводит выдержки самые подходящие, весьма удачно подтверждающие его мысль.

Таковы были приемы, посредством которых проповедник раскрывал пред слушателями волю Божию. Перейдем теперь к изучению тона, в котором предлагались назидания Филарета. Проповеди м. Филарета проникнуты духом пастырской настойчивости и ревности о спасении ближнего, духом глубокого христианского смирения и молитвы. Святитель смотрел на свое пастырское служение, как на весьма ответственное и в виду строгой ответственности за него всегда старался назидать своих пасомых, руководит их ко спасению и своею жизнью, и своим словом. Целью всех его проповедей, можно сказать, служит внутренний человек, которого он старается образовать своими наставлениями, и при том, так, чтобы внутреннее единение верующего с Богом всегда было непоколебимым основанием нравственной деятельности. Для него внешняя законная праведность не имеет большой цены, если она не происходит изнутри, если она не является выражением

души, приближающейся к Богу посредством любви. Слово проповедника становится особенно оживленным, когда заходит речь об образе Божиим, который мы носим в себе, и которого черты должны отражаться в нас во всей своей красоте «Первый человек в состоянии невинности созерцал Бога в себе самом, доколе он верным блюдением заповеди Господа своею сохранял драгоценнейший залог образа Божия в правде и святости. По своевольное уклонение от внимания спасительным глаголам Творца своего к пагубным внушениям сатаны обольстители осквернило его сердце, и лишило его, а с ним и нас всех, чистого орудия Богозрения. Дух злобы успел в самом корне – в сердце всего человеческого рода, вместо Божия светоносного образа истины, чистоты и святости, впечатлеть свой темный образ лжи, беззакония и нечистоты. И кто не знает тех пагубных последствий, которые проистекли из сего нечистого источника на все племена земли, того ослепления ума и омрачения сердца, в котором неведение истинного Бога до такой простерлось степени, что, по выражению Апостола, даже те, которые считались мудрыми, объюродеша; и измениша славу нетленного Бога в подобие образа тленна человека и птиц, и четвероног, и гад (Рим. 1: 22 – 23). Так человек, в создании своем умаленный малым чим от ангел (Пс. 8: 6), в чести сый не разуме, приложися скотом несмысленным и уподобися им (Пс. 48: 15). Единородный Сын Божий, по неизглаголанному человеколюбию Своему, Сам пришел, дабы разрушить дела дьявола (1Иоан. 3: 8), и Божественною силою благодати Своей воссоздать верующих в прежнюю и уже во всю вечность неотъемлемую чистоту и святость сердца, чтоб сделать их способными к блаженнотворному зрению Бога. И чего не сделал для восстановления погибшего в нас образа Божия Божественный Искупитель и Спаситель наш. Для очищения от греховной скверны, Сама воплощенная чистота и святость, Искупитель наш Иисус Христос благоволил погрузиться в водах Иордана и Собою освятил водное естество. И оттоле все крещаемые, истинно верующие, выходят из купели крещения с сердцем чистым и непорочным, в котором животворящая благодать Духа Святого насаждает семя истинного Богопознания. И так, братие святая, звания небесного причастницы (Евр. 3: 1), видите, в какую чистоту и святость облечены мы благодатью Божественного крещения. По звавшему убо вы Святому, и сами святы во всем житии будите; зане писано есть: святы будите, якоже Аз свят есмь, глаголет Господь» (1Петр. 1: 15 – 16)¹¹² Из этой любви Филарета к спасению ближнего происходило то, что проповедник иногда обличал своих слушателей, напр., за нехождение в храм, невнимательное слушание слова Божия или нерадение о благах

душевных; но никогда слово обличения у любвеобильного пастыря не принимало грозного, сурового или надменного тона: у него любовь всегда граничит с кротостью ¹¹³. Так нежная мать, иногда плача, укоряет любимого сына и угрожает ему наказанием. Таков по преимуществу дух самого Священного Писания, таков же дух вообще помазанных проповедников слова Божия, таков дух и характер проповедного слова и Филарета Амфитеатрова. Слово м. Филарета тем менее могло быть суровым и грозным обличением, чем более сам проповедник сознавал свои собственные недостатки, и чем более он молился о помощи свыше. Надо заметить, что Филарет никогда не отделял себя от своих слушателей, напротив, он всегда роднится с ними, сознает свое соучастие в людских немощах, почему и тон всех проповедей его – тон смиренный и благочестивый. Он постоянно обращается к Богу с молитвою о прощении своих грехов и с неба ждет просвещения своему уму и сердцу.¹¹⁴ И этот смиренный молитвенный голос слышится почти во всех проповедях святителя. Для примера мы приведем одну краткую молитву, которою Филарет заканчивает свою беседу на 28 – 29 ст. 8 гл. Евангелия Матфея.

Представив опасное положение грешника и указав средства, при помощи которых можно избавиться от грехов, проповедник обращается с такою молитвою ко Христу: «Боже, Спасителю наш! все мы пред Тобой грешники: обрати и на нас милосердное око Твое. Даруй сердцам нашим умиление и сокрушение о грехах наших! Возглаголи к слабым душам нашим Твое всемогущее: восстани! да ходим непреткновенно во свете заповедей Твоих и сподобимся вен внити в вечные обители жизни, блаженства и славы Отца Небесного, уготованные Тобою возлюбившим всем явление Твое» ¹¹⁵. Это обращение к Богу, излагаемое в виде молитвы, не могло не производить самого сильного действия на благоочестивое расположение духа слушателей. «На лицах их видно было, говорит один из современников Филарета, что слово учителя потрясало не воздух, а сердца»¹¹⁶. «И именитые старцы, и поседелые в боях брани герои, замечает другой современник, не стыдясь плакали, слушая проповеди святителя Филарета»¹¹⁷.

Рассмотренные нами до сих пор назидания в проповедном слове м. Филарета представляют нам его проповеди в таком свете, что к ним в известной степени может быть приложено изречение Св. Апостола Павла: «слово мое и проповедь моя не в препретельных человеческие премудрости словесех, но в явлении духа и силы». (1Кор. 2: 4).

Внешняя сторона проповедей Филарета Амфитеатрова. Построение проповеди, язык и слог.

По своему внешнему строю все проповеди м. Филарета, за исключением 11 речей, относятся к разряду аналитических проповедей, – это беседы, или, как они назывались в древности, гомилии, причем в беседах первых двух томов Филарет по порядку текста толкует евангелие стих за стихом и по местам слово за словом. Такой способ беседования – самый древний обычай проповеднической практики. В первые века христианства обыкновенно подряд изъяснялись с церковной кафедры священные книги как ветхого, так и нового завета, за исключением лишь немногих торжественных случаев, когда древняя проповедь принимала характер слова¹¹⁸. Далее, в беседах Филарета мы находим, следы способа изъяснения библейских мест и позднейшего времени. Вместо рядового объяснения целой евангельской книги встречаются толкования и на отдельные чтения, выбранные из всех четырех евангелистов, применительно к тому или другому празднику или воскресному дню, как-то: беседы в день Вознесения Господня, в недели о мытаре и фарисее, о блудном сыне и многие другие.

Но и в тех и других беседах обыкновенно, прежде всего, отыскивается смысл текста, а потом выводятся из него нравственные назидания. Продолжительность проповеди часто зависит от длины и важности известного – места ев. Писания, взятого темой для проповеди. Есть такие беседы, как напр. 3-я бес. 1-го тома, X-я бес. II тома, которые требовали для своего произношения не менее полчаса; другие далеки от таких размеров, большая же часть из них совмещается в пределах 10 – 15 минут. Очевидно, автор щадил внимание слушателей или старался, чтобы они, не утомляясь длиннотою речи, могли усвоить все, что ему казалось полезным и назидательным для них. Вот почему он разделяет иногда свою беседу об известном предмете на два дня, и во второй день начинает с того, на чем прервал в первый раз. Так напр. есть у него несколько проповедей о посте, о нестяжательности, которые сказаны были одна за другой в преемственном ряду праздничных собраний в церкви его паствы. Вы найдете также такие проповеди, которые представляют раздробленные и разделенные на дни тирады одного и того же трактата, и в этом случае обыкновенною связью проповедей являются начальные слова в роде таких: «в предыдущих беседах слышали мы, братие, о дивных чудесах и тайнах спасения нашего, предшествовавших рождеству Господа нашего И.

Христа. Приклоним ныне слух наш к благовестию о самом спасительном рождестве Его»¹¹⁹. В такой методе построения и раскрытия проповеднического учения виден практический такт христианского учителя. Краткое слово, чуждое всякого витийства, метко и сильно напечатлевает в уме и сердце слушателей пункт излагаемого учения, а неоднократное повторение его или разлитие его путем многих бесед, преемственно следующих одна за другой, усиливает и углубляет первоначальное впечатление, и, припоминая старое, без утомления ведет к дальнейшему. «Как капля за каплей пробивает камень, так слово за словом, следуя в одном направлении, подчиняет себе и непокорное сердце и невольно пролагает к нему путь преднамеренным стремлениям и желанным истинам. В особенности для неприготовленных и для не имеющих научного образования полезна и необходима такая постройка гомилетического изложения: люди опыта видят в ней одно из главных условий успешного проповедничества простому необразованному народу»¹²⁰. А такового не мало было среди слушателей нашего проповедника. Беседы Филарета всегда почти состоят из трех частей: приступа, иногда довольно длинного, но по большей части краткого, исследования текста, состоящего в раскрытии смысла его, и заключения.

Нить исследования у него нередко прерывается обращением к Богу или святым и к слушателям: к Богу и святым с молитвой, к слушателям с увещанием, чтобы они обратили внимание на свое собственное нравственное состояние. Эти апострофы придавали беседам много жизненности и энергии. Без этого непосредственного общения проповедника с слушателями беседа была бы похожа на простой комментарий библейского текста. Заключение в беседах Филарета большею частью отличается краткостью и имеет форму то нравственного приложения, то молитвы. Так напр. 9 беседу на евангелие Матфея проповедник заключает следующими словами: «по беспредельному милосердию Отца небесного, будучи призваны из тьмы в чудный Его свет, да отложим, братие, навсегда все дела тьмы и облечемся в оружие света, да сынове света будем и, совлекшись тления, наследим жизнь вечную»¹²¹.

По самому свойству принятой Филаретом формы проповеди, план его бесед мог страдать и действительно страдал недостатком единства. Проповедник развивал догматические или нравственные истины по указаниям текста. Возьмем, напр., проповедь м. Филарета на 18 и 19 ст. 6 гл. посл. к Ефесеям. Проповедь эта была произнесена при вступлении «на паству Киевскую. В приступе, указавши на трудность служения слову Божию, Филарет говорит, что величие этого служения, усугубленное

лично для проповедника самую святостью места, «где издревле возшла денница спасения Русской земли, внушает его сердцу благоговейный трепет», и только уверенность в Божественной помощи дает ему дерзновение слова. После этого, внушенного обстоятельствами, приступа, Филарет кратко рассказывает историю водружения на горах Киевских креста Господня. Прервав вдруг это повествование, проповедник непосредственно пускается в аллегорическое изъяснение, чтобы найти под простой буквой целый ряд нравственных наставлений «Апостол водрузил крест Христов на горах; – водрузите, возлюбленные, и вы животворящее слово крестное в умах ваших истинною живою верою в Господа Иисуса Христа, распятого за нас. Да будет оно единым светом, просвещающим и наставляющим вас на всяку истину. Апостол водрузил крест Христов глубоко в землю; – водрузите, братие, живоносное древо креста и вы во глубину сердец ваших. Да произрастит оно плоды Духа – любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, кротость, воздержание (Гал. 5: 22). Да будут сердца ваши непрístupны к обольщениям мира, плоти и дьявола; – иже би Христовы суть, по словам Апостола, плоть распяша со страстьми и похотьми» (Гал. 5: 24) ¹²². Вот путь, по которому обыкновенно следовал Филарет в своих проповедях. Не заботясь о строго-правильном распределении мыслей, не ограничивая себя никаким искусственно составленным разделением, он изъяснял черту за чертой то или другое повествование о церковном событии, то или другое место св. Писания, усиливаясь исчерпать все, что оно в себе заключало по смыслу буквальному или по смыслу аллегорическому.

Что касается изложения проповедей м. Филарета, то оно большею частью отличается простотою и удобопонятностью. Мысль и слово проповедника всегда светлы, как мысль и слово практического христианского мудреца, который и умом, и сердцем усвоил себе евангельские истины и вдохновенным своим взором обнимал все предметы. Свойство это было указано еще проф. Аскоченским в известной рецензии его на собрание проповедей Филарета. «Глубоко проникнутый духом Священного Писания и особенно учением ев. Отцов Церкви, замечает Аскоченский, сей архипастырь усвоил себе всю их собеседовательную простоту и безыскусственность, так что его поучения кажутся скорее беседами отца с детьми, чем приготовленную речь учителя» ¹²³. Эта особенность проповедей м. Филарета, вполне терминировавшая с личным характером проповедника», как нельзя более, отвечала и потребностям его слушателей. Филарет говорил не исключительно образованному обществу, и масса простого народа,

присутствовавшего при его проповедях, не была безучастной свидетельницей пастырского слова, понимающей только отдельные слова и некоторые отрывочные фразы. Правда, образованный круг слушателей его проповедей, к которому преимущественно было обращено его проповедническое слово, мог понимать проповеди, написанные и более книжным, не столь популярным языком. Но и для этого кружка рассматриваемое свойство не было бесполезно. При своей популярности, проповедное слово Филарета должно было сильнее действовать и на образованную половину слушателей. Каждая мысль проповеди усвоялась во всех подробностях и отчетливо ложилась в душу слушателей.

Какие же приемы употреблял наш проповедник для того, чтобы сделать свою речь вполне понятной, популярной? Простота бесед Филарета зависит преимущественно от обыкновенных свойств популярной речи, прежде всего – от целесообразного и строго разборчивого употребления слов: он не употребляет книжных, замысловатых или мудреных выражений. С другой стороны, много влияния на популярность речи имеет стиль Филарета, обильный, плодовитый. Но, кроме всего этого, наш проповедник употребляет еще особые, специальные приемы упрощения своей речи, и одним из наиболее употребительных приемов популяризации проповеди служат у него примеры. Побуждает ли Филарет к какой-нибудь добродетели или увещевает уклоняться от какого-нибудь порока, он обыкновенно приводит в пример целый ряд библейских или исторических личностей, которые в своей жизни и деятельности показали пользу и высоту той или другой добродетели, вред и гнусность того или другого порока. Способ собеседования, все поясняющий фактами и примерами, был весьма пригоден для той простой веры, с какой внимали проповедническим словам Филарета его современники. Высокие христианские истины, выраженные в различных событиях, в характере и делах людей, могли быть с успехом поняты и усвоены самыми простыми слушателями. Но не только для простого, но и для всякого слушателя проповедь бывает гораздо доступнее, интереснее и удобнее для восприятия, если пастырь Церкви будет сопровождать свои наставления живыми примерами благочестия, если речь его будет направляться от ощущений к представлениям, от представлений к понятиям, от понятий к суждениям, от суждений к умозаключениям и обобщениям, а не наоборот. За это говорят ежедневный опыт и постоянные педагогические наблюдения¹²⁴. Но нужно никогда забывать мудрой и глубокоправдивой латинской пословицы: *longum iter per praescepta, breve et efficax per exempla* т. е. длинен путь, при посредстве наставлений, краток и верен при

посредстве примеров (при чем, под примером можно разуместь не только живой пример, но и рассказ – пример). Но едва ли не самое главное значение введения в проповедь исторического элемента заключается в том, что приводимые примеры сообщают проповедническому слову особую силу убедительности. Примеры скорее, чем теоретические наставления, возбуждают в ком следует внимание и бдительность по отношению к своему спасению и заставят беспечных и равнодушных больше думать о себе и душе своей. Слушатель как бы фактически удостоверяется в том, что приводит с собой добродетель, и к чему приводит порок. Внимание его, утомленное восприятием отвлеченного знания, возбуждается с большей силой, когда проповедник вступает в доступную для всех сферу конкретных представлений, а отсюда и в области сердца скорее всего возникают сочувственные волнения, которые собственно и определяют направление волевой деятельности человека.

Первым и главным источником, из которого Филарет почерпал примеры для доказательства своих мыслей, было св. Писание. Ни один из современных нам проповедников не цитирует в подтверждение своих мыслей столько библейских мест, как м. Филарет. У него нет почти ни одной проповеди, в которой бы он не приводил какого-нибудь примера из св. Писания. Учит ли проповедник о покорности воле Божией, и ему тотчас припоминаются и «возмутившийся ангел, преступлением воли Божией изрывший себе бездну погибели, и, приявший в сердце свое ядовитое семя непокорности Богу, человек, лишившийся за то, обетованного ему наследия – жизни вечной»¹²⁵. Располагает ли слушателя к любви христианской, и тут же приводит в пример Ап. Павла, который из любви к своим соотечественникам «хотел и молил Господа, чтобы сам он отлучен был от наследия со Христом, только бы иудеи, гонители его, уверовали во Христа и спаслись»¹²⁶. Благоговейною мыслию созерцает святитель вечные блаженства, уготованные праведникам на небесах, и в противоположность с этим рисует непостоянство благ земных, и вот в первом случае представляет лиц, наслаждающихся райскими утехами, а во втором выводит людей, горько разочаровавшихся в действительности земных наслаждений¹²⁷.

Нередко обилие примеров, приводимых Филаретом из Писания, поражает читателя. Проповедник поступает так, вероятно, имея в виду низкий уровень религиозного образования, в частности самое поверхностное знакомство с Библией современного ему общества, вследствие чего вся религиозность последнего или сводилась к чисто внешнему исполнению церковных обрядов, или, – что еще хуже, –

переходила в религиозный индефферентизм. Здесь же сказалась и личная черта м. Филарета, смотревшего на слово Божие, как на самую необходимую и здоровую пищу для души человеческой и, естественно, хотевшего воспитать на той же самой пище и порученную ему паству. Но помимо Писания был и другой источник, из которого обильно черпал наш проповедник примеры для уяснения своих мыслей. Это была вся церковно-историческая литература и в особенности один из ее отделов, повествующий о трудах и подвигах отцов аскетов. В выборе примеров из аскетического мира более, чем где-нибудь, сказалась личная черта характера м. Филарета. Как мы уже знаем, он был суровый аскет. Заветною думою и желанием его было удаление от мира, отрешение от всех, суетливых тревог и волнений житейских. Сердце его постоянно переполнялось восторженным умилением при созерцании духовных подвигов знаменитых отшельников Православной Церкви. Это настроение проповедника не могло не высказаться и перед его слушателями. Располагая последних к добродетельной жизни, Филарет с особенным воодушевлением рисует перед ними подвиги отшельников. Макарий, Афанасий и целый сонм подвижников Печерских во главе с Антонием и Феодосием – вот те «богатыри духа», примером которых возбуждает, проповедник своих слушателей к борьбе с пороком. Быль и еще источник, из которого заимствовал наш проповедник некоторые из приводимых им примеров, – это гражданская история, по к этому источнику обращался м. Филарет довольно редко ¹²⁸.

Кроме множества примеров, приводимых нашим проповедником для популяризации своих мыслей, нельзя не обратить внимания еще на одну оригинальную черту в поучениях святителя, не упускал из виду его первоначального воспитания среди сельской природы. Будучи уже епископом, м. Филарет сохранил самое живое влечение к созерцанию природы. Под старость оно высказывалось еще с большей силой. При виде того или другого предмета, был ли он из царства растительного или из царства животного, святитель сейчас находил связь этого предмета с объектами его богомыслии, переходил от видимого предмета к невидимому, от тварного к Творцу и Его свойствам. Вот это то удачное пользование природой в применении ее к нашей жизни и составляет весьма выдающуюся черту в поучениях м. Филарета. Здесь, как мы уже сказали, отразилось влияние сельской обстановки, среди которой протекло детство, отрочество и юность нашего проповедника, но это же было следствием глубокого знания Филаретом творений Иоанна Златоуста. Подобно вселенскому учителю, слова которого постоянно цитируются

нашим проповедником, Филарет думал, что сопоставлением видимых предметов с невидимыми и божественными успешнее можно отвлечь внимание слушателей от всего земного, вещественного, плотяного, к миру духовному, небесному. Но подобно Златоусту, наша, проповедник не ограничился только предметами видимой природы, для него даже вся обыденная жизнь имела прямое применение для объяснения мира и жизни невидимой, духовной. Настоящее для него служило тем или другим прообразом будущего. Он постоянно от земного возносился к небесному, от чувственного, плотского к духовному, и в этом случае святитель обладал необыкновенным даром. Напр., земной царь непременно у него сопоставляется с Царем Небесным; – христианин, отрицающий значение поста, с воином, вышедшим на сражении без оружия; в путешественнике проповедник видит образец христианина, идущего к небу; в садовнике, возвращающем деревья и растения, – образ человека, воспитывающего в себе духовную жизнь. Сравнения и уподобления, приближающие известные мысли к понятию слушателей, – это любимый прием в проповедях м. Филарета, эта же конкретность представлений является прекрасною чертою, отличающей язык Филаретовский проповеди, по мысли нередко утонченной и возвышенной. Самые высокие истины религии у проповедника облечены в образы, заимствованные из области жизни общественной или из природы. Напр., развивая мысль о том, что такое грехи, излечение которых может быть достигнуто только путем продолжительного покаяния, Филарет прибегает к сближению этого явления с расстройством тела человеческого¹²⁹. Или вот еще одно прекрасное сравнение, которым проповедник старается принять своим слушателям мысль о необходимости поста и молитвы: «Как птице без крыл не можно подняться от земли на воздух, так и душе нашей без молитвы и поста нельзя перейти из жизни плотской, земной, греховной к жизнь духовную, небесную, святую. Одно крыло птице недостаточно для свободного летания по тверди небесной; так ни молитва без поста, ни пост без молитвы недостаточны христианину для жизни по духу евангелия»¹³⁰. Много и других примеров подобного рода можно было бы привести, ибо встречать их можно чуть не в каждой проповеди, но пересчитывать их все не входит в цели настоящего сочинения. Для цели последнего достаточно и указанных, как рельефно характеризующих поучения Филарета со стороны их языка и способа пояснения высказываемых положений.

Забываясь об удобовразумительности своего проповеднического слова. Филарет Амфитеатров вместе с тем старался излагать свои мысли словом живым, и потому картинность и изобразительность речи составляют

отличительный характер и внешнее достоинство его проповедей. Особенною живостью слова и картинностью речи изобилуют нравоучительные проповеди Филарета. В них кроме отдельных фраз и слововыражений встречаются целые картины, от которых веет вычурностью изображения. Для примера и доказательства этого мы приведем несколько отрывков из проповедей Филарета на предметы нравственные. Вот, напр., как изображает проповедник страдания Христа. «Внидем, братие, духом веры и любви нашей в вертоград Гефсиманский, где вечный Архиерей, Господь наш Иисус Христос, готовился принести Себя на жертву за избавление наше. Там мы увидим, как Он открывает ученикам Своим смертельную скорбь сердца Своего, говоря: прискорбна есть душа Моя до смерти, как Он, троекратно повергаясь па землю, молится ко Отцу, да мимо идет от Него чаша сия (Матф. 26: 39); молится с воплем и слезами, молением крепким, жарчайшим, болезненнейшим, таким, какого не было никогда во времени и не будет во всю вечность, увидим, как Он борется между ужасами смерти и между готовностью Своею исполнить волю Отца Своего, борется до кровавого пота, льющегося на землю.

Но не в вертограде кончились скорби Ходатая нашего. Обремененный беспредельными за нас болезнями, постепенно умножающимися, Он шествует из вертограда во Иерусалим, из Иерусалима на Голгофу. И какое страдательное шествие! Душа Его отягчена бездною грехов всего мира и мстительностью непреложная Божия правды; сердце Его пронзено печалью о рассеянии учеников и о страдающей Матери; рамена Его безмерно утруждены древом креста; глава Его вся пронзена колючим тернием. И где оканчивает путь светоносной жизни Своей Спаситель мира? На месте где совершаются казни злодеев. Чем платит мир пришедшему спасти Его? Воины, совлекая с Него последние одежды, пригвозждают Его ко кресту; жаждущему спасения всего мира отказывают для утоления смертельной жажды и в единой капли воды. Какой преступник умирал когда-либо столь болезненно? Приидите убо и видите: аще есть болезнь, якоже болезнь сего мужа болезней»!¹³¹.

«Такою же картинностью отличается изображение любви Божией к человечеству. «Еще тогда, говорит проповедник, когда враг блаженства нашего, человекоубийца искони, дух злобы всеял в сердце праотцев наших, а с ними и в сердце всего человеческого рода ядовитое семя греха и смерти, еще тогда Единородный Сын Божий из любви к человеку, к прекраснейшему делу рук Своих, восхотел крестом Своим восставить падшего, искупить пленника, спасти погибшего. Он есть Агнец, закланный

от сложения мира. Он един как- тогда, так и до ныне удерживает мстительную руку правды Божией, всегда готовую карать законопреступников. Первый вздох Адама падшего о потере своей невинности, а с нею всего своего блаженства проникнул человеколюбивое Его сердце. И с каким милосердием приходит Он для возвращения в объятия Отца Небесного сего беглеца, укрывшегося от стыда наготы своей! С каким любвеобильным сердцем взывает Он к нему: Адаме, где еси? (Быт. 3: 9). И сей глас любви и милосердия Своего с тех пор продолжает Он к сердцу каждого грешника и будет продолжать до самой кончины мира»¹³². Представленных примеров достаточно для того, чтобы видеть, с каким искусством м. Филарет умел рисовать картины своим проповедническим словом и тем оживлять свою речь. С тою же целью, т. е. с целью оживления своей речи и заинтересования слушателей проповедник иногда прибегает к драматической форме изложения. Драматизм в проповедях Филарета состоит в том, что проповедник олицетворяет предметы неодушевленные и даже понятия отвлеченные и представляет себя беседующим с ними, как бы с существами живыми и деятельными; чаще же в том, что свои собственные мысли и думы он влагает в уста библейских лиц и вступает с ними в разговор. Передавая, напр., историю явления Ангела Господня Захарии, Филарет обращается с следующей речью к отцу Иоанна Предтечи; «не одному тебе, говорит проповедник, будет радость о рождестве его (Иоанна), по многим. Ты возрадуешься о нем, как о сыне, рожденном в старости твоей, а все, чающие утехи Израилевой, возвеселятся о нем, как о вестнике радости и спасения всего Израиля»¹³³. В XI беседе 1-го тома проповедник вступает в разговор с Богоприимцем Симеоном: «Что глаголеши, Старче праведный? Тот ли лежит на падение многим во Израили, который есть свет, просвещающий всякого человека, грядущего в мир, свет языков, и слава Израиля? (Иоан. 1: 9). Тот ли лежит на падение, который пришел восставить падшее естество человеческое? Тот ли лежит на падение, который в первый раз пришел во храм Божий, дабы принести Себя в жертву за спасение всех человеков? Но слова Симеона верны; ибо суть глаголы Духа Святаго»¹³⁴. Впрочем прием этот не имел широкого приложения в проповеди Филарета. Для оживления ее Филарет гораздо чаще обращался к вопросам. Фигурою вопрошания наш проповедник пользуется с большим искусством. Встречающиеся у него вопросы отличаются блеском и силою. Для примера мы приведем небольшой отрывок из проповеди м. Филарета в великий пяток. «Взирая на печальный образ Господа нашего Иисуса Христа, начинает свою речь оратор, имеете

ли вы, возлюбленные братие, нужду в слове проповедника? Но сие уже единое изображение уничиженного, поруганного, всего уязвленного и весь живот Свой на кресте истощившего Спасителя, не живет ли всякого слова проповедует нам беспредельное человеколюбие Отца Небесного? Ибо за кого сия Божественная глава уязвлена венцем терновым? Не за нас ли грешных, вознесших гордую главу свою противу Господа и Христа Его? За кого поругано и оплевано светоносное лице сие, Ангелов веселящее? Не за нас ли, поругавших в себе высокое достоинство душ своих, сей образ Бога самого, сие подобие красоты небесной? За кого неповинные руке сии пригвождены ко кресту? Не за нас ли, осквернивших руки свои хищением и неправдами? За кого сии краснейшие нозе, утружденные взысканием овец дому Израилева, пронзены гвоздями? Не за нас ли от путей Божиих уклонившихся, и предавших себе на жертву всякого непотребства и всякие страсти? За кого прободено сие живоносное и животворящее ребро? Не за нас ли ради? Ибо сие ребро источило нам спасительные таинства крови и воды (Иоан. 19: 34), залог бессмертия нашего. За кого пьет чашу горчайших болезней сие святое и любвеобильное сердце? Не за нас ли, раздраживших злодеяниями своими величество Бога и святость правды Его?»¹³⁵. Иногда поставивши тот или иной вопрос, проповедник предлагает потом несколько возможных на него ответов и из них справедливым признает лишь какой-нибудь один. Чаще всего это бывает тогда, когда Филарет задается целью обстоятельнее анализировать известный предмет¹³⁶, но где испытывающая мысль совопросника переходит в восторженное чувство созерцателя, там фигура вопрошения сменяется восклицаниями. Особенно часто это замечается у проповедника, когда заходит речь или о благах, принесенных на землю Христом Спасителем, или же о добродетелях, прославивших истинных сынов Православной Церкви. В этих случаях восторженное чувство проповедника сказывается с огромною интенсивностью, и речь его бывает полна того огня и силы, которые отличают великих ораторов. В подтверждение наших слов сделаем небольшое извлечение из 5-й беседы 1-го тома. Приведши известный всем ответ Богоматери (Лук. 1: 38) на речь Ангела Благовестника, проповедник замечает: «Вот глас веры совершеннейшей, глас смирения глубочайшего, глас человеколюбия нежнейшего, коему внемля, Сын Божий из лона Отча сходит с небес, и от причистых кровей Девы, освященной Духом Святым в храм Божества, воплощается нашего ради спасения! О, блаженна, стократ блаженна тако веровавшая, яко будет совершение глаголаным Ей от Господа! Но какое беспредельное смирение пресвятой Девы! Она верует Себя быти Материю

Сына Божия, Господа и Царя славы, – но называет Себя рабою Его: – се раба Господня! С какою любовью к роду человеческому произнесены Ею сии слова к Архангелу: буди Мне по глаголу твоему! Буди! да придет обещанный и столь долго ожидаемый Спаситель мира и Искупитель человеков! Се братие, благословенная минута, от век предназначенная Богом, для начала спасения нашего! – Благословен Господь, столь милосердо призревший на бедность нашу»¹³⁷.

К числу внешних украшений проповеди м. Филарета нужно отнести и антитезу. Фигура эта особенно часто употребляется там, где Филарет задается целью возбудить слушателей от нравственного усыпления. Вот пример этого. «Сладчайший Иисусе, взывает проповедник, сколь беспредельна любовь Твоя и попечение о нас грешных! Ты, оставляя славу, вечно Тебе принадлежавшую, сходишь к нам в юдоль смертную; яко пастырь добрый, ищешь пас овец заблудших; но мы, яко бессмысленные, бежим от Тебя и не радим о том, что Ты един истинный пастырь и един источник жизни и блаженства нашего. Ты и тут не оставляешь нас, но полагаешь душу Твою за овцы; ибо, вместо предлежащей Тебе радости, в беспредельных болезнях совершаешь па кресте избавление наше. Ты в беспредельных болезнях; а мы между тем не хотим и единой нужды креста Твоего разделять с Тобою, разделять ради блага и спасения душ наших ¹³⁸. Очевидно, что употребляя эту антитезу, Филарет хотел не просто пояснить свою мысль и сделать ее наглядной, – но рассчитывал на впечатление. Таково же, напр., и следующее противоположение: «Преходит образ мира сего, а с ним и вся слава его; а творяй волю Божию пребывает во веки» ¹³⁹.

Все те черты, какими мы охарактеризовали до сих пор внешнюю сторону учительного слова Филарета, более или менее составляют достоинство его проповедей; мы пока не указали еще ни одной черты, которая представляла бы слабое место проповедей м. Филарета. На самом же деле, поучения нашего проповедника с внешней стороны не чужды некоторых недостатков, хотя впрочем эти недостатки и редки, и не крупны. Важною особенностью учительного слова м. Филарета мы признали простоту. В своих проповедях он всегда старается упростить и сделать предмете проповеди доступным для массы. Но ревностно заботясь о простоте, проповедник, не смотря на весь свой талант, не всегда удерживался в должных пределах. Язык его проповедей, вообще понятный и близкий к современному нам разговорному, в некоторых местах не свободен от славянизмов: паче, далече, се, токмо, днесь, убо, якоже, паки, «Богу попускающу»¹⁴⁰, «поживши в веце сем, сподобимся и в веце оном улучити невечерняя славы блаженство»¹⁴¹, «емлемся за деку» ¹⁴² и другие

подобные слова и выражения части встречаются в проповедях Филарета, неприятно пестря его речь и затемняя ее смысл. Немало способствует этому и встречающаяся по местам растянутасть речи и не всегда удачные согласования слов. В пример первого мы приведем начало 8-й беседы па Евангелие Матфея. «Единородный Сын Божий Господь наш Иисус Христос, пришедший в мир, дабы обновить растлевшее грехом естество человеческое, в сердцах грешников, заростших тернием нечестия и беззаконий, насадить семена истинного благочестия и добродетели, жалом греха умерщвленные, души воскресить в новую, святую, и богоугодную жизнь, и верующих, совершив в делах благих, сделать истинно причастниками Царствия Божия, раскрыл все источники блаженства вечного, уготованного праведникам и святым».

Образцам неудачных согласований слов может служить следующее выражение. «Но ежели сам учитель и проповедник истины дойдет до такого (?) степени безумия, что... станет превращать истину глаголов Божиих..., то кто наставит его заблудшего?»

Иногда в проповедях м. Филарета недостает единства содержания и связи мыслей; равным образом встречаются уклонения от главного предмета, – и в таких случаях речь его недостаточна ясна и понятна. Но нужно заметить, что подобного рода недостатки изложения в проповедях м. Филарета являются лишь в виде весьма редких исключений. Вообще же говоря, учительное слови нашего проповедника со стороны изложения довольно живо, разнообразно, наглядно и даже увлекательно...

Общая оценка проповедей Филарета Амфитеатрова и значение их в истории русского проповедничества. Отношение к ним его современников. Отзывы о Филарете, как проповеднике, Карачева, митр. Платона, проф. Аскоченского, А. Н. Муравьева. Отношение последующих поколений и отзывы критики.

Таким образом, мы обозрели содержание проповедей м. Филарета, указали приемы и метод раскрытия им религиозно-нравственных истин и обрисовали внешнюю сторону его проповедей. Теперь нам остается сделать общую оценку их и указать значение Филарета Амфитеатрова в истории русского проповедничества. Но перед этим мы хотим познакомить читателя со взглядом на проповедничество м. Филарета его современников и потомков.

Как проповедник м. Филарет пользовался у современников большим авторитетом. Правда, история сохранила нам очень мало свидетельств об отношении к проповедному слову покойного архипастыря современного ему общества, но и из этих немногих, дошедших до нас данных видно, что в свое время Филарет считался образцовым проповедником. Мы отчасти уже знакомы с мнением о проповедях Филарета г. Карачева. Приведем теперь его отзыв сполна. «Каждое священнослужение, свидетельствует он, запечатленное необыкновенным благоговением, наполняло души предстоящих и млеком Евангельского учения. Став на амвоне и опершись на архиерейский жезл, приснопамятный святитель казанский¹⁴³ простым разговорным языком объяснял «ныне читанное Евангелие» держась, как я в последствии узнал, духа и образа толкования Св. Златоуста. И всякое слово его простое, без искусственное, чуждое риторических фигур, в его устах всегда было живо, действенно, солью растворено, поедающее всякую гниль душевных страстей и пороков. На лицах слушателей видно было, что слово учителя потрясло не воздух, но сердца¹⁴⁴... А вот мнение и другого современника м. Филарета. «Всегда просто было слово его, но это-простота, можно сказать, Евангельская, это – простота мудрости, которая глубоко знает, что говорит: «вемы, еже глаголем», и которой нельзя было противоотвещать, разве по духу противления. Казалось, он говорил большею частью то, что не могло быть неизвестным всякому из нас; но в устах его каждое слово имело такую жизнь и значение, что не новое для слуха было ново для сердца и давно принятое разумом и памятью – как бы

в первый раз делалось понятным по внутреннему смыслу. Подобными наставниками и руководителями могут быть только люди, созревшие умом и сердцем для неба, и потому их не много на земле»¹⁴⁵.

Не менее благоприятный отзыв о проповедях Филарета дает знаменитый в свое время вития митр. Платон. Архимандрит Сергей рассказывает, что, выслушавши приветственную речь Филарета, Платон заметил, что «такая речь, годилась бы у него и в Троице (Троицком посаде)»¹⁴⁶.

Но едва ли не самый лестный отзыв о проповедническом таланте м. Филарета мы находим у известного своим несочувственным отношением к духовенству проф. Киевской Дух. Академии Аскоченского. «Филарет митрополит Киевский, говорит он, занимает видное место в ряду современных нам проповедников, как церковный вития, обладающий оригинальным, ему одному свойственным методом изложения истин христианской веры.

Глубоко проникнутый духом Священного писания и особенно учением святых отцов церкви, сей архипастырь усвоил себе всю их беседовательную простоту и безискусственность, так что его поучения кажутся скорее беседами отца с детьми, чем приготовленную речь учителя. Способ изложения правил христианской нравственности у него по большей части истолковательный и приспособленный к изречениям священного Писания.

Речь его проста, спокойна и отзывается сердечностью самой истины»¹⁴⁷.

Приведем еще мнение о проповедничестве м. Филарета известного русского писателя А. Н. Муравьева. «С большим утешением, говорит он, всегда внимал я проповеди м. Филарета, потому что он говорил без приготовления, большею частью на текст дневного Евангелия, которое диаконы держали пред ним отверзтым, у амвона, а он, опираясь на свой посох, изливал в простой речи свое сердце, проникнутое любовью к Господу Иисусу: Его святое имя непрестанно слышалось в устах святительских, и сие невольное повторение, проистекавшее от пламенной веры, производило сладкое впечатление на душу. Я видел людей всякого звания и возраста, глубоко тронутых проповедью, которая не заключала в себе изысканной витиеватости, но ее красноречие вытекало из сердца, и потому находила она себе отголосок»¹⁴⁸).

Да и из самых проповедей Филарета видно, что присутствовавшие при произнесении его бесед охотно слушали их. Так в 1-ой беседе 1-го тома проповедник замечает, что «имея намерение изложить по

возможности то, что четыре Святых Евангелиста написали в Богодухновенных книгах своих... он не имеет нужды убеждать слушателей ко вниманию к его беседе будучи совершенно уверен в благочестивой любви их к словам Господа Иисуса»¹⁴⁹. Или вот в другой проповеди читаем: «взирая на усердие ваше Христорлюбивые братие, с каковым стекались вы на слушание спасительных словес Божиих, излагаемых мною доселе, паки с радостью приемлю на себя труд сей. Для сердца моего, исполненного Пастырской к вам любви, ничего нет приятнее, как посвящать силы мои на проповедь Евангелия Господа нашего Иисуса Христа, которая есть сила Божия во спасение всякому верующему. Внимательное ваше слушание и посильное, при помощи Божией, исполнение заповедей Евангельских паче и паче возродит во мне усердие и ревность к проповеди Слова Божия, и всякий труд соделается легким»¹⁵⁰.

Проповеди м. Филарета высоко ценились и после его смерти, что видно из того, что многие начали хлопотать об издании их, которое повторялось потом несколько раз. С своей стороны и научная критика отдавала должную дань уважения проповедному слову почившего иерарха, а иногда даже впадала в панегиризм. Так автор исторического обзора русского проповедничества замечает, что «беседы «преосвященного Филарета написаны умно, проникнуты любовью к добродетели и пользуются заслуженною громкою известностью в среде русского духовенства»¹⁵¹. Где же лежит причина такого сочувственного отношения к проповедям Филарета и публики, и критики, и современников и потомков? А причина эта, по нашему мнению, лежит в том, что проповедное слово святителя при своем тихом и скромном течении было слово простое и ясное, носившее в себе духовный свет на разные предметы христианской мысли и одинаково освещавшее их как простым, так и ученым, приходившим в храм по движению благочестивого чувства. Но этого мало. Простое и без искусственное слово тогда только может иметь благотворное влияние на душу слушателей, когда в нем будет выражаться живое и неподдельное чувство проповедника, его горячая любовь к истине и пастве. Простота бездушная, не оживотворенная внутренним участием проповедника, не согретая его личным чувством, все равно, что простое правильное лице, неосмысленное никакою идеею, не оживленное никаким внутренним чувством. Ничто не останавливает зрителя на таком лице, ничто не возбуждает в нем определенных мыслей и чувств. Скучно бывает смотреть па такое создание природы или искусства; душа ищет возбуждений, и представленный нами образ не может дать их Проповеди

м. Филарета, при своей простоте, имеют другое значительное достоинство. В них много того элемента, который наиболее присущ проповедническим произведениям по самой их цели, – элемента чувства, делающего проповеди могущественным средством к проникновению духовного оратора в сердца своих слушателей и возбуждению в них такого же настроения, каким проникнут сам проповедник. Филарет горячим и убедительным тоном раскрывает перед слушателями положенные в основание проповеди мысли и с чувством направляет их сердце к принятию и усвоению той идеи, для раскрытия которой он выступил на церковной кафедре. Теплота и искренность чувства, – вот что замечается прежде всего при чтении проповедей м. Филарета. Видно, что проповедник говорит не по официальной только, не по назначению от высшего начальства, но вследствие внутренней потребности высказаться, передать внимающей ему пастве свои задушевные, продуманные и прочувствованные идеи, и что он относится к этому рода обязанностям своего пастырского служения с особенной охотой и с любовью влагает в них свою душу. Вот отчего каждое слово нашего проповедника является, как плод глубоко-верующей души и истинно пастырского религиозного убеждения. «А тон убеждения – волшебная вещь в красноречии. Если он есть у говорящего, то слушатели не спорят, не обращают внимания на того, кто говорит, а только на то, что он говорит... или лучше на то, что устами его говорит Сам Бог»¹⁵². Такая особенность проповедного слова м. Филарета в значительной степени должна была расширить круг увлекавшихся ораторством проповедника ¹⁵³. Но едва ли не самое главное достоинство проповедного слова Филарета Амфитеатрова, и вместе с тем едва ли не самая важная заслуга его по отношению к русской современной проповеди, заключается в том, что он возвысил, усовершенствовал и оживил одну из важных ее форм, – именно форму простой, без искусственной беседы. Должно заметить, что эта форма проповеди почему то не особенно уважается современными проповедниками; последние произносят с церковной кафедры чаще «слова», составленные по всем правилам и требованиям церковного красноречия. Между тем простая собеседовательная форма проповеди в наш век не менее необходима и полезна, как и искусственное слово. Стройная, логическая форма не есть еще существенная принадлежность проповеди. Христианское учение само по себе назидательно, и в какой бы форме не было предложено слушателям, – искусственной или безискусственной, – оно во всяком случае действует на них спасительно. Мало того, излишний формализм проповеди может быть даже совершенно неуместным в отношении к

простому народу и вообще к тем слушателям, которые не получили достаточного образования, а таких и в городах, не говоря уже о селах, найдется большее число сравнительно с образованными. Простые слушатели, непривычные к отвлеченной умственной работе, с трудом удерживают в своей памяти две-три отвлеченные мысли, и то не на долгое время; между тем логическая форма проповеди осложняет ее содержание и чрез то значительно вредит назиданию большинства предстоящих в храме, обременяя ум их множеством мыслей. Конечно, формальная пышная проповедь тоже имеет свои неотъемлемые достоинства и вполне уместна для слушателей умственно развитых. Они более или менее близко знакомы с христианскою богословскою системою, способны обнять умом своим обширное ее содержание и потому могут требовать от проповедника не только назидательного учения, но и стройного распорядка в мыслях, полноты в изложении проповедуемого им предмета. Но так как, между слушателями, повторяем, найдется всегда значительное число лишенных достаточного умственного развития, то нет поэтому решительно никакого основания пренебрегать и простой, без искусственной формы проповеди, формой простой беседы. Между очень немногими церковными беседами нашего времени беседы Филарета Киевского даже строгою критикою признаются за одни из лучших, как это мы уже видели из только что приведенных отзывов¹⁵⁴.

Примечания

¹ - У Лескова, напр., во «Владычном суде» и «Мелочах архиерейской жизни».

² - Воскр. Чт. 1857–58 г., стр. 433.

³ - Такой же отзыв о Филарете Киевском дает в своем сочинении «История русской литературы» Аскоченский. См. «Русское проповедничество, исторический его обзор и взгляд на современное его направление» 289 стр.

⁴ - См. речь Проф. Каз. Д. Ак. А. В. Говорова: «Основной принцип церковной проповеди и вытекающие из него предмет и задачи церковного красноречия». Стр. 17–18.

⁵ - Образование 96 г., февр. 14 стр.

⁶ - Б высшей степени интересны обстоятельства поступления Филарета в монашество. Вот рассказ об этом самого покойного митрополита: «Мой батюшка, говорит он, в свое время совсем было собрался женить меня; возил он даже на показ разным невестам... Но, видно, Господь так устроил, что невесты-то были не дуры... чтобы выйти за такого молодца, каков я казался на их глаза. Правда, а батюшка-то мой инде и улаживал было дело; и иные родители невест готовы были приневолить даже их к согласию, но я, грешный, хитрил при этом немножко. И без того я выглядывал больно необтесанным... бурсаком, а тут-то представлялся чистым батраком, хомяком... Инде в домах, где хотели было сосвататься, составлялись уж и вечериночки – называемые смотрины, и приглашались знакомые; а я, бывало, как раз к этой-то поре пойду на двор посмотреть лошадок, дать ин корму, сводить попоить их, да и около повозки-то тоже повожусь, – при чем само собою повыпачкаюсь порядочно, и умыться будто позабуду, или не успею... да так и явлюсь в горницу-то в среду гостей... Станут мне подносить угощение орехами, да пряниками и проч., а по обычаю тогдашнему подносила сама же невеста; – глядь, а у меня на руках-то и грязь и деготь. – Сам-то я будто и не замечаю этого, а посмотрю и а других; – они и шушукуют промеж себя... а затем, вестимо, невеста-то прямо на попятную, – а мы-то с батюшкой от ворот поворот... И в конце концов вышло, что куда мы ни заезжали: – только не солоно хлебали. Наконец как-то, однажды, приехали мы с отцом из гостей, вошли в горницу, и я упал пред отцом в ноги и заплакал. – «Что ты», говорит отец, «Феденька, что с тобой»?! – «Да отпустите, говорю, меня,

батюшка, в монахи»!– «Как в монахи? Что с тобой»?– «Я ведь давно уж, батюшка, решил на этом, да только боялся вам сказать, а теперь говорю решительно».– «Да перенесешь ли ты труды-то монашеские, молодой парень»?– «А Господь-то и Спаситель?!» – ответил я. Отец замолчал и подумавши сказал мне: «ведь в самом деле Господь Сам сказал: «оставите детей приходите ко Мне»! Бог с тобой! Верно такая судьба твоя!» Снял отец с полочки образ и говорит: ну, что делать?! Молись, Феденька! «Я положил три земных поклона, приложился к образу... отец благословил меня, а сам заплывал... И вот теперь видите, к чему вел меня Господь»! «Высокопреосвященный Филарет Амфитеатров и его время». Архимандрита Сергия стр. 50–51. Т. 1.

⁷ - Семинария эта находилась тогда в Уфе.

⁸ - Собр. мн. и отзыв, н. Филарета т. I. Стр. 298 и 442.

⁹ - Собр. мн. и отз. к Филарета т. I. Стр. 442.

¹⁰ - Как низок был уровень образования духовенства, показывает следующий рассказ самого митрополита Филарета. Имея правилом, при посещении сельских приходов, испытывать всех лиц причта в знании христианского вероучения, Филарет спросил однажды диакона: «что значит именование диакон?» Спрошенный, не много подумавши, отвечал: «древо». Преосвященный был озадачен таким поразительным объяснением и спросил диакона: «как же это так, и откуда ты узнал это?» Диакон с полным, твердою уверенностью отвечал: «когда я служу литургию, то после выхода великого священника, снимая с моей головы дискос, всегда произносит: «с древа снем Пречистое Тело значит: диакон и есть древо». Спросил Преосвященный и пономаря: «что значит слово – пономарь»? Последний смело и быстро отвечал: «благовестник», и тут же, в доказательство, привел слова Ап. Павла: «не посла меня Бог крестити, по благовестити» Не мудрено после этого, что столь необразованное духовенство без всякого разбора и неосмысленно позволяло себе выражаться текстами Священного Писания. «На одном обеде, рассказывал сам митрополит Филарет, в доме прихожанина была подана большая жареная рыба. Священник, отрезав часть рыбы с головой, произнес: «в главном книжной написано есть;» – затем диакон, выделяя себе срединную часть рыбы, промолвил: «посреде церкви воспою Тя», а дьячек и пономарь, разделяя между собою оставшуюся часть, возгласили: «и оставиши останки младенцам «вошь». (См. Ф – т и его время. Арх Сергия. Т. 1, стр. 327–328).

¹¹ - Образование 96 г. 11 стр.

¹² - Странник 1862 г., т. 1 стр. 9–10.

¹³ - Из надгробного слова, сказанного бывшим инспектором К. Д. А. арх. Иоанникием, нынешним митр. Киевским. См. сочинение арх. Сергия: «Высокопр. Филарет м. Киевский и его время» т. 3, стр. 355.

¹⁴ - Насколько заботливо велось дело воспитания Филарета в семье, об этом говорит уже сам по себе один факт поступления его прямо во второй класс училища.

¹⁵ - Мирское имя Филарета.

¹⁶ - «Высокопр. Филарет, митр. Киевский и его время». Соч. арх. Сергия т. 1 стр. 45.

¹⁷ - «Высокопр. Филарет, нитр. Киевский и его время». Соч. арх. Сергия т. 1 стр. 73.

¹⁸ - Про суровость Августина в среде духовенства сложилась далее рифмованная поговорка, – или так называвшаяся горемычная песенка: «коли Августин на кого напустил, – так тому ух не стать – сдобровать; хоть горюй, хоть тулии, хоть молебны служи; будет все понапрасну; Августин – архиерей, страх, ужасный».. (См. сочинение арх. Сергия «Высокопреосвященный Филарет, митрополит Киевский и Галицкий и его время», стр. 108 т. 1).

¹⁹ - См. соч. проф. Чистовича: «Руководящие деятели дух. просвещения в России» стр. 261.

²⁰ - «Высокопр. Филарет, митр. Киевский, и его время», т. 1, стр. 86.

²¹ - Ibid. стр. 89.

²² - Ibid. 86 и 87 стр.

²³ - Странник 1666 г. Май, стр. 92.

²⁴ - Приведен еще один факт, в котором вполне отразилось незлобие Святителя. «Во время одной из поездок по обозрению Казанской епархии, Высокопреосвященный Филарет, пред самым возвращением в Казань, остановился в Услоне – селе, находящемся как раз против самой Казани на другой (правой) стороне Волги. Остановка продолжалась весьма значительное время оттого, что, по случаю сильного ветра, никак нельзя было переезжать чрез Волгу. Во время этой остановки, когда собралось большое множество народу из православных ради принятия благословения от Владыки, оказались тут же и многие из раскольников, явившихся собственно из любопытства. Не заметить и не отличить последних, само собою, было невозможно... Владыка пожелал воспользоваться этим случаем для личной беседы с раскольниками. Последние стояли в своей

толпе поодаль, но Владыка, преподавая каждому из православных благословение, постепенно приближался и к раскольникам, и, находясь в нескольких шагах от них, громко обратился к ним со словами: «А что же вы, люди, стоите зряще и отступивши от своих же односельчан?! Ведь все они русские, а не татары или черемисы, как в вы сами, что видно по всему»... Ответа не было никакого, – а только говор между собою во всей толпе... Владыка, сделав несколько шагов, еще заговорил с ними: «что ж вы, и впрямь сказать, как бы дичитесь и своих-то... или, быть может, дичитесь более всего меня... Но напрасно; видите, я сам подхожу к вам и не дичусь по вашему...» – «Да что нам до тебя, был ответ, и мы-то тебе почто нужны... Ступай, куда едешь... а мы так сами по себе...» – «Да зачем же вы так не ласковы, что и слова то перемолвить не хотите, – разве вам я враг какой...?!» – «Нечего толковать то нам с тобой, так и заводить и речи непочто...» – «А я, вот, хотел бы поговорить с вами и, само собой, не как-нибудь, а по Божьему...» – «У нас есть и без тебя свои такие толковники...» – «А что ж, нет ли кого из этих ваших толковников; вот бы н потолковали сообща... и я бы их послушал, коли они и вы все не хотите, чтобы я говорил!...» – «Есть то у нас, есть, да не про твою, видно, честь...» слышался в этих словах явно грубый голос. Владыка продолжал было еще заговаривать смиренным и приветливым тоном, но не тут то было... толпа, хотя Владыка подошел и очень близко, не уклонялась, но ответов прямо на слова Владыки не было, а лишь слышался говор среди толпы более и более крупный и явно неприязненный... Наконец, один из впереди стоявших особенно грубым и дерзким тоном проговорил прямо Владыке: «вот что... отец, отваливай-ка ты на ту сторону, а мы еще посмотрим, как-то по добру, по здорову переправишься... А пробудешь еще подольше здесь, так мы пожалуй и парома не дадим; – вишь какая непогодь разыгрывается...» Священник села Услона, находившийся близ Владыки, сказал ему в полголоса, что лучше удалиться, потому что он знает по опыту, до чего может простираться дерзость некоторых, известных ему лично, коноводов в среде местных раскольников, из коих один и произнес сказанные дерзкие слова... – Владыка, как бы задумавшись на минуту и, заметно, произнеся с глубоким вздохом какие-то молитвенные слова и высказавши свое сожаление о нелюдимости предстоящих, – и помолившись на церковь, стоящую на виду на склоне горы, отправился к перевозу. Ветер заметно стал утихать, и переезд через Волгу был спокойный. Но что ж, каков был результат этой, грустной до глубины души, сцены, представившей такую крайнюю очерствелость сердец в толпе заблуждающихся, о которой справедливо сказать словами Господа,

повторившего слова пророка Исаии: «ослепил очи их и окаменил сердца их...» Результат был следующий: «Владыка с перевоза отправился в свой загородный дом. Стало вечерять; он вышел на балкон и, видя, что ветер снова стал усиленно дуть, а с западной стороны из-за Волги надвигалась уже черная туча, Владыка сказал стоявшему вместе с ним келейнику о. Назарию: «Вот видишь, как Господь милостив к нам; ветер-то, как видно, теперь сильно разыграется, да и туча идет страшная, грозовая и как раз надвигается она на Усдон; мужики-то угадали, когда нас стращали, что мы и не переправимся чрез Волгу; а вот теперь кого захватит на пароме, то спаси Бог от несчастья; особливо в такую пору, когда почти совершенно темнеет». – Постоявши немного, Владыка сказал: «ну, я пойду совсем в свою половину на ночлег; надобно отдохнуть хорошенько после перетряски». – «Я, говорил о. Назарий, тоже, приперши двери на балконе, пошел в свою комнату, чтобы вынуть все, бывшее в дороге, из чемодана. Ветер, между тем, тут же превратился в чистую бурю... Послышались тотчас же и раскаты грома, и молния так и блещет ежеминутно... Чтобы не тревожиться от ее блеска, я стал спускать на окне в моей комнате занавеску, – и тут-то я увидел, что Услоном весь почти в зареве... так я и ахнул... Вбежал ко мне в эту же минуту и послушник, ездивший с нами по епархии, и чуть не кричит... Батюшка, батюшка, смотрите, что с Услоном-то стало... Услыхал наш говор и Владыка, позвонил и спрашивает: «что такое»? В ту же минуту вышел он к балкону и лишь только увидел страшное зарево, тут же пал на колена и взмолился про себя... Я слышал только слова: «Господи, да не яростью обличиши нас, ниже гневом Твоим накажеш нас... О Господи! не постави им во грех... но пощади и помилуй»... Приставши же снова сделал земной поклон прямо на город с молитвенными словами: «Заступнице Усердная, всех нас заступи! Святители Христовы, молитесь Бога о нас!..» Затем безмолвно ушел в свою половину... – Этот пожар на другой же день стал известен, хотя самый случай посещения Владыкою Услона не был еще известен... Но, вскоре же, это стало предметом общих разговоров, когда оказалось, что погорели почти исключительно раскольничьи дома, и самый удар был прямо на дом того дерзкого, который сказал Владыке последние угрозные слова... Когда об этом пожаре стало известно Казанским раскольникам, именно купцам, к которым сами погорельцы обратились, как к своим радеельцам – благодетелям, с просьбою о помощи, и когда последним, волей не волей, должны были передать и о том, что было у них со Владыкою не задолго пред пожаром, тогда и все уразумели, что должно... и с той поры, сколько было известно, стали относиться не так презорливо ко Владыке, а иные не

слишком закоренелые, или отчасти потаенно только державшиеся раскола, начали, по возможности, сближаться с ним, а некоторые постепенно оставляли раскол и присоединялись или к единоверию, или даже прямо к Православной Церкви». (См. Высокопреосвящ. Филарет митрополит Киевский и Галицкий в его время. Архимандрита Сергия, т. II, стр. 140–144). О том же незлобии и благостной снисходительности митроп. Филарета не менее убедительно говорит и следующий рассказ: «В Лавре был парадный иеродиакон Ан-ий. Богатырь, красавец и жуир, диакон этот пользовался большими льготами в монастыре, где дорожили его громоподобным голосом и спускали ему многое, чего, может быть, не следовало бы спускать. Раз, летнею ночью в нетрезвом виде вышел он из кельи на житный двор, где на ту пору стояли вола приехавших с вечера мужиков. Ему пришла дикая мысль сесть на вола верхом начать разъезжать на нем по монастырю. Непривычный к верховой езде бык начал реветь, прыгать и метаться, а богатырь-диакон сидит на нем, как клещ на жужелице, и жаря его каблуками в ребра, кричит: «врешь, не уйдешь». Сон мирной обители нарушен; спавшие по всему двору странники в переполохе мнутся, думают, что видят беса. Словом, смятение произошло ужасное. Нынешней газетной гласности, питающейся от скандалов, при тогдашней тесноте печати еще не было; но слух, которым земля полнится, на другой же день распространился из монастыря и дошел до мирян. После этого не должно показаться удивительным, что весть о ночном путешествии иеродиакона верхом на быке казалась занятной и многих интересовало: какие это для него будут иметь последствия? Происшествие не осталось безызвестным и Владыке; да это было и не возможно, так как разгоряченный вол занес наездника к самым митрополичьим покоям. Как инок строгой жизни, Владыка, разумеется, был сильно возмущен и разгневан произведенным беспорядком и собирался быть так строг, что даже опасался, как бы не дойти до жестокости. Его успокаивали, говоря, что виновный стоит сильного наказания. «Да, стоит он, дурак, стоит; но я боюсь, что я буду уж очень жесток – а?» твердил митрополит. – Ничего, Ваше Высокопреосвященство, он снесет. – «Снесет то, снесет, но ведь это не хорошо, что я буду очень жесток.» Настал час суда Владычного, впрочем суда келейного, происходившего только в присутствии двух-трех почетных старцев. Жестокий судия для внушения страха принасупился, завертел в руках свои беленькие костяные четки с голубой бисерною кисточкой и зашевелил беззвучно губами. Бог его знает, – изливал ли он в этом беззвучном шепоте самые жестокие слова, которые намеревался сказать виновному, или

молился о себе и, может быть, о нем же. Последнее вернее. Но вот он примерился говорить вслух и произнес протяжно: «ишь кавалерист». Диакон упал на колени. Филарет привстал с места и, строго хлопнув рукой по столу, зашиб палец, повел вокруг глазами и, опустясь на место, закончил своим добрым протяжным голоском: «пошел вон, кавалерист». Суд был кончен. Владыка находил, что он был жесток, и когда это в этом разуверяли, то он даже тихонько сердился и отвечал: «ну, как же я не жесток: а отчего же он, бедный, плакал». Атлет-черноризец, которого терпел и о котором так соболезновал «добрый дедуся» (так звали м. Филарета), однако погиб. По его собственным словам, он «за свои грехи пережил своего благодетеля», но не пережил своей слабости. За то и при одном имени покойного Филарета он весь, бывало, съезжится и, стукнув себя кулачищем в самое темя, закричит: «подлец я, подлец, я огорчал его – моего батьку!» и с этим так ужасно зарыдает... но здесь плакала в нем уж не одна водка)... См. соч. Арх. Сергия. «Высокопреосвященный Филарет, митр. Киевский и Галицкий и его время». Стр. 349–351.

²⁵ - «Высокопр. Филарет м. Киевский и его время». Сок. арх. Сергия т. 3, стр. 347.

²⁶ - Ibid. стр. 320–321.

²⁷ - Ibid. стр. 330–331.

²⁸ - Калуга.

²⁹ - Слова и речи Филарета м. Киевского, т. 3, стр. 188 – 189.

³⁰ - Архимандрит Сергей передает следующий, не лишенный интереса, факт из жизни покойного Владыки. Одна, дотоле совершенно безызвестная Высокопреосвященному Филарету, вдовая жена капитана П., обремененная многочисленным малолетним семейством – пятью сыновьями и одной дочерью, находилась в самом крайнем положении по части средств к жизни вообще и в частности, чтобы куда-нибудь пристроить детей своих. Не имея и не видя никаких надежд, она поставила себе за правило – читать ежедневно акафист Божией Матери, прося Ее, чтобы Она указала и послала ей человека, который бы помог ей в ее деле. Акафист она даже выучила наизусть от усердного и постоянного чтения. И вот однажды, в субботу Великую, прочитавши акафист, она прилегла на несколько времени до заутрени и видит во сне, что Пресвятая Богородица говорит ей: «иди в Лавру, – митрополит тебе поможет и все твое положение устроит». Она вскоре в один из дней Пасхи отправилась со всеми своими детьми в лаврскую церковь. После обедни, при выходе из церкви, Владыка, сопровождаемый множеством людей, вдруг остановил

внимание на вдове и сказал, указывая на детей: «это все – твои! Погоди же несколько времени». Проводивши посетителей, Владыка сказал, своему келейнику: «пойди-ка позови ко мне стоящую вон там вдову с детьми». Келейный с трудом отыскал ее в толпе нищих и ввел вместе с детьми в покои. Владыка, расспросивши вдову об ее положении и подпиши тут же потребную денежную помощь, сказал: «ну утешься: даст Господь все устроится хорошо». И, действительно, Высокопреосвященный Филарет принял такое живое и решительное участие в положении этой вдовы и ее детей, что при некоторых встретившихся препятствиях при определении детей в кадетский корпус, он, имел дерзновение обратиться с всеподданнейшим ходатайством к самому Государю; вследствие чего и было Высочайшее повеление – принять детей немедленно даже сверх штатных вакансий. Когда главный виновник сказанных препятствий, не оставшийся без надлежащего внушения за его действия, извинялся пред Владыкою, – он отвечал: я ничего не сделал особенного, а только то, что мне надлежало сделать. Дети же вполне оправдали своими успехами такое о них попечение Высокопреосвященного Филарета». (См. «Высокопреосвящ. Филарет, митр. Киевский и Галицкий и его время». Архим. Сергия, стр. 369, 371).

³¹ - См. соч. арх. Сергия «Высокопр. Филарет, и. Киевский и его время», т. 2, стр. 81.

³² - «Высокопр. Филарет и его время». Соч. арх. Сергия, т. 3, стр. 367.

³³ - См. «Влад. Еп. Вед.». 1865 г. № 18, стр. 175.

³⁴ - См. соч, арх. Сергия, «Высокопр. Филарет и. киевский и его время», т. 3, стр. 386.

³⁵ - Так, будучи уже митрополитом, Филарет проезжал однажды из Петербурга в Киев чрез Орел, и здесь, по словам очевидца, зашел в кафедральный собор, куда сбежалось множество народа. Помолившись Богу и благословивши народ, Владыка стал говорить: «здравствуйте, православные! здравствуйте, мои земляки! ведь я сам Орловский уроженец. Вот здесь, где теперь архиерейский дом, прежде было уездное училище: в нем я учился мальчиком. А там, на нижней слободке монастырской, я квартировал. Был тут однодворец Селихов: что жив ли он? небось уж старт, теперь стал»? И когда в тот же день пришел к нему тот самый однодворец Селихов, Владыка сказал: „ну, здравствуй, хозяин!.. уж какой ты старый стал? А помнишь ли, как мы, бывало, с тобой снопы возили?“ – Старик не мог говорить и заплакал от радости. „Я приеду к тебе в дом“, сказал Владыка. И в самом деле на другой день митрополит был у

Селихова в его доме, пил у него чай и провел два часа в воспоминаниях о прошлом. (См. „Филарет и его время“. Арх. Сергия, т. 1, стр. 27–28).

³⁶ - „Высокопр. Филарет, митр. Киевский и его время“. Соч. арх. Сергии, т. 2, стр. 80.

³⁷ - „Высокопр. Филарет, м. Киевский и его время“. Соч. арх. Сергия, т. 3, стр. 174–175.

³⁸ - 1 т. стр. 5.

³⁹ - Т. 3, стр. 58.

⁴⁰ - Т. 3, стр. 58.

⁴¹ - Догматов о воплощении и искуплении, а также о последней судьбе мира и человека Филарет, но преимуществу касается ив своих поучениях, налагая их более или менее подробно и обстоятельно, тогда как о других говорит он довольно коротко и поверхностно.

⁴² - Он бил современником Филарету Киевскому и находился с последним в самых дружественных отношениях.

⁴³ - „Высокопр. Филарет и его время“, т. 3, стр. 176.

⁴⁴ - „Высокопр. Филарет и его время“. Арх. Сергия, т. 3, стр. 168.

⁴⁵ - „Высокопр. Филарет и его время“. Арх. Сергии, т. 3, стр. 170.

⁴⁶ - Беседы м. Филарета 1 т. Над. 38 г. Стр. 275–270.

⁴⁷ - «Высокопр. Филарет и его время» Арх. Сергия, т. 2, стр. 80.

⁴⁸ - Т. 1 беседы 6, 7, 8, 9, 11 и др..

⁴⁹ - т. 1 стр. 7.

⁵⁰ - См. «Путешествие ко св. местам русским» А. Н. Муравьева. Киев. Изд. 1844 стр. 194.

⁵¹ - Пол. епарх. вед. 1865 г. № 4.

⁵² - Т. 3 стр. 107, 147 и др.

⁵³ - Ibid стр. 178 и др.

⁵⁴ - Т. 3 стр. 179.

⁵⁵ - «Путешествие ко св. местам русским» А. И. Муравьева, стр. 189.

⁵⁶ - «Руководящие деятели дух. просвещения в России» стр. 163.

⁵⁷ - См. напр. В 3 томе «слово о молитве» стр. 198, или в томе XV бесед.

⁵⁸ - Т. 3-й слово XXXJ.

⁵⁹ - Ibid, слово XVIII.

⁶⁰ - Ibid, слово XXVI.

⁶¹ - Т. 3 стран. 62 – 64.

⁶² - Вятск, (чт. вед. 1871 г. № 1, стр. 3–9. Сравн. рук. для сельск. пост. 1871 г. .№ 47.

⁶³ - Признавая господство нравственного направления пред всеми: другими в проповеди митр. Филарета, мы можем подать повод к некоторым недоразумениям и потому спешим оговориться. Могут подумать на основании наших предыдущих слов, что митр. Филарет, преследуя нравственное направление в своей проповеди, излагал и раскрывал пред слушателями христианскую мораль в делем ряде бесед, нарочито избранном и упорядоченном, по наперед составленному плану. Между тем этого отнюдь нельзя сказать относительно проповедного слова митр. Филарета. В своих поучениях о нравственных обязанностях человека проповедник не задавался целью – методически уяснить всю систему христианской морали, не старался, так сказать, навязывать своим слушателям ту или иную истину потому только, что она стояла на очереди о системе излагаемого им христианского нравоучения; в выборе предметов для своих поучений чаще всего митр. Филаретом руководило слово Божие да собственное настроение проповедника. При таком методе в выборе проповеднического материала, само собой разумеется, нельзя ожидать какой-либо строгой и определенной системы в поучениях митр. Филарета; напрасно стал бы искать в них читатель и подробного указания нравственных правил или обстоятельного их исследования, в смысле научном; в них нет ни тонкого и глубокого анализа нравственной природы человека, во всех ее разнообразных обнаружениях, ни обширной аргументации в пользу тех или других моральных правил; это – простое, для все.чь понятное разъяснение смысла и значения того или другого нравственного предписания, да задушевное увещание – следовать путем истины и добра, увещание, говорящее более сердцу, нежели уму человека.

⁶⁴ - Примечательно, что тема о любви христианской является едва ли не самой господствующей в проповедном слове митр. Филарета, что вполне гармонировало с личным настроением любвеобильного проповедника. Кал.в. 1886 г.

⁶⁵ - 65 Беседа 9-я, т. 1, стр. 76–77.

⁶⁶ - Т. 3, стр. 90–91. Кал. в. 1886 г.

⁶⁷ - т. 2 стр. 206 –208, а также Калужск. ен. вед. 1896 г. № 3 – 4.

⁶⁸ - т. 3 стр. 6.

⁶⁹ - См. Слово 2-о на день Вознесения Господня т. 3-й, стр. 123–128.

- 70 - Беседа, 4-я на еванг. Матф. V, т. 2; Беседа XXXII, т. 3-й.
71 - т. I. Беседа .XXVI Стр. 199
72 - т. I-й Беседа 1-я
73 - т. 3-й, Слово VII в неделю 4-ю Св. Поста.
74 - Слово VIII в неделю 4-ю Св. Поста, т. 3-й.
75 - Слово XXVII о любви Божией к человеку, т. 3-й, а так же Кал. в.
1886 г.
76 - т. 3-й, стр. 157
77 - Беседа о благочестии в отдельной брошюре, а также Калужск. еп.
вед. 1896 г. №5–8
78 - «Высокопр. Филарет м. Киевский и его время». Соч. Арх. Сергия,
т. 3-й, стр. 369.
79 - Ibid.
80 - т. 3-й, Слово XXVIII о молитве.
81 - т. 2-й, Беседы XIII и XIV.
82 - Беседа XIV, т 2-й
83 - Т. 3-й. Слово 2-е по освящении храма. Кал уж. с. в. ibid.
84 - Т. 1-й, стр. 162. Кал уж. с. в. ibid.
85 - Т. 2-й, стр. 41
86 - Т. 2-й, стр. 42
87 - Т. 3-й, стр. 100.
88 - Кал. в. ibid.
89 - т. 2-й, Беседа XII.
90 - т. 2-й, Беседа X, XII.
91 - Беседа XIII и др.
92 - Т. 2-й, Беседа V, XIII и др.
93 - Т. 2-й, беседа XI.
94 - Т. 2-й, Бес. XVI.
95 - Т. 2-й, Бес. XIII. Калужск. сн. в. ibid.
96 - т.2-й, Бес. XV. т. 3-й, Бес. VI
97 - „Высокоир. Филарет м. Киевский и его время». Соч. Арх. Сергия
т. 3-й, стр. 259–260. Ср. Кал. ibid.
98 - т. 3-й Слово XXV и XXVI.
99 - Калуж. ibid.
100 - т. 3-й, Слова IX–XIII, XXI, XXVII и др.

¹⁰¹ - Проповедник сам сознается, что церковное учение о страшном суде он считает самым сильным мотивом к нравственной бдительности. Будущий всеобщий суд, говорит он, всегда был и будет „сильнейшим побуждением к неослабным подвигам в добродетельной и святой жизни, и в случаях грехопадений – к неотложному покаянию“ (т. 1-й стр. 235).

¹⁰² - т. 3-й, стр. 161. Калужск. *ibid*.

¹⁰³ - См. папр. во 2 т. Беседы XXI–XX и др.

¹⁰⁴ - Беседа XV-я т. 2-й: VII-н т. 3-й.

¹⁰⁵ - т. 2-й, стр. 119

¹⁰⁶ - Беседа 1-я. стр. 7, т. II.

¹⁰⁷ - Беседа IX Стр. 6 т. II.

¹⁰⁸ - Беседа X стр. 80-я т. II-й.

¹⁰⁹ - 102 стр. т. 3-й 237 стр. т. II 158 стр. т. 3-й.

¹¹⁰ - Беседа XVI, XVII т. II.

¹¹¹ - *Ibid* XI Бесед

¹¹² - т. II, стр. 42–45.

¹¹³ - Мягкие задушевные отношения, существовавшие между Филаретом и его паствою, заставляли нашего проповедника называть своих слушателей то братьями, то братьями возлюбленными, и это всегдашнее и самое обычное его обращение не отзывается официально или навязанною обычаем манерою, а вполне гармонирует с тем духом, какой заключается в каждой беседе Филарета и во всей совокупности его проповеднических трудов.

¹¹⁴ - т. 1-й стр. 7-ая.

¹¹⁵ - т. 2-й стр. 206–209.

¹¹⁶ - См. соч. Арх. Сергия „Рысокопр. Филарет и его время” 2-й т. стр. 80.

¹¹⁷ - т. 3-й стр. 200.

¹¹⁸ - Кад. в. 1886 г.

¹¹⁹ - Бес. IX т. 1-й Сравн. также VI, XI и др. беседы.

¹²⁰ - Труды К.Д. Ак. 68 г. и т. 2-й стр. 258

¹²¹ - Т. 2-й. Стр. 70.

¹²² - См. 3-й т. Стр. 182–183

¹²³ - Русское- проповедничество, исторический его обзор и взгляд на современное ему направление. Стр. 289.

¹²⁴ - Вот почему и состоявшееся в 1890 г. определение Св. Синода о

свойствах современной пастырской проповеди и внебогослужебных собеседований с народом (напечатанное в 26 Церковных Ведомостей) требует от пастырей, чтобы они подтверждали, между прочим, свое слово или беседу указанием на пример людей добрых и Богу угодивших.

- 125 - Беседа III. Стр. 17–18 т. 2-й.
126 - Беседа XII. Стр. 98 т. II.
127 - Т. II. Бес. 17, т. III. Слово 2-е на новый год.
128 - См. 1-й т. Изд. 38 г. Стр. 20 и 223.
129 - II. т. Бес. XXV.
130 - Беседа XV. Стр. 117–118 т. 2-й.
131 - т. 3-й 88–89.
132 - т. 3-й 79.
133 - т. 1-й стр. 33
134 - т. 1-й стр. 93–94.
135 - т. 3 стр. 84 – 86
136 - II, т. Беседа XXXIII, стр. 268–269.
137 - т. 1-й стр. 47–48.
138 - т. 3-й стр. 83.
139 - 139 т. 1-й стр. 34 Изд. 38 г.
140 - 3-й т. стр. 172.
141 - т. 3 стр. 91.
142 - т. 1-й стр. 127
143 - Известно, что Филарет некоторое время был епископом в Казани.
144 - «Высокопр. Филарет и его время». Соч. Арх. Сергия т. II Стр. 80.
145 - «Высокопр. Филарет и его время». Соч. Арх. Сергия т. 3-й Стр. 253–254
146 - Ibid.
147 - ibid. т. I Стр. 59. «Русское проповедничество, исторический обзор его и взгляд на современное его направление». Стр. 289.
148 - «Путешествие ко св.местам русев.» Киев 1844 г. Стр. 294.
149 - т. I стр. 7.
150 - т. I стр. 145.
151 - Русское проповедничество, исторический его обзор, и взгляд на современное его направление. С-Пб. 1871 г. Стр. 289.
152 - См. актовую речь проф. Казанской Д. Ак. А. В. Говорова:

«Основной принцип церковной проповеди и вытекающие из него предмет и задачи церковного красноречия» Стр. 17

¹⁵³ - Впечатление, которое выносится из чтения проповедей м. Филарета, во всяком случае, далеко не то по силе и действию, какое производили слова проповедника на слушателей непосредственно. Если при чтении обращают на себя внимание только некоторые места из его проповедей, то при произношении, все его беседы, по отзыву современников, были одинаковы в этом отношении. Выразительность в произношении была одной из существенных причин, благодаря которой беседы его так действовали на слушателей, что «я именитые старцы, и поседелье в боях герои не раз плакали, слушая задушевное слово Филарета» (1017 стр. 1884 г. Влад. еп. вед.).

¹⁵⁴ - Кал. В. 1886 г.

Содержание

Филарет Амфитеатов, Митрополит Киевский, как проповедник священник Георгий Орлов	1
Введение	2
Отдел 1-й	5
Краткая биография Филарета Амфитеатрова	6
Характеристика Филарета Амфитеатрова	8
Отдел II	25
Памятники проповедничества Филарета Амфитеатрова. Издание его проповедей. Направление проповеди Филарета; его отношение к священному Писанию и к запросам своего времени	26
Преобладание нравственного элемента в проповеди митрополита Филарета. Характер его морали.	36
Изложение содержания проповедей митрополита Филарета.	41
Форма проповедей Филарета Амфитеатрова.	53
Внутренняя сторона проповедей Филарета Амфитеатрова. Метод или приемы раскрытия им предмета проповеди. Тон проповеди.	54
Внешняя сторона проповедей Филарета Амфитеатрова. Построение проповеди, язык и слог.	60
Общая оценка проповедей Филарета Амфитеатрова и значение их в истории русского проповедничества. Отношение к ним его современников. Отзывы о Филарете, как проповеднике, Карачева, митр. Платона, проф. Аскоченского, А. Н. Муравьева. Отношение последующих поколений и отзывы критики.	72
Примечания	77